

INSPIRIA ОТ ЛУКОВА

с Любовъто

18+

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Мариана Запата
От Лукова с любовью
Серия «Сирсак. Бестселлеры
Буктока. Мариана Запата»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056669
От Лукова с любовью: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191256-7

Аннотация

Абсолютный бестселлер БукТока, более 300 000 000 просмотров!

Он – чемпион. Она – неудачница. И они ненавидят друг друга. Джесмин Сантос не мыслит жизни без фигурного катания, но ей еще ни разу не удавалось занять первое место... К тому же, ее бросает партнер, и Джесмин в отчаянии.

Пока ей не подворачивается возможность выступать в паре с Иваном Луковым – братом ее лучшей подруги и по совместительству настоящей звездой фигурного катания.

Есть только одно «но»: Джесмин терпеть не может Ивана. Как и он ее. Их тандем предвещает много, очень много ссор. Но Джесмин решает рискнуть.

Правда ли она готова на все ради успеха?

Обжигающе ледяная история «от ненависти до любви» от королевы слоуберна Марианы Запаты.

«Все, что пишет Мариана Запата – чистое золото! Я восхищаюсь ее способностью создавать таких удивительных персонажей. Эти истории – настоящий подарок для любителей романтики». – Али Хейзелвуд

«Когда мне нужен гарантированно отличный роман, я всегда беру в руки Мариану Запату». – Тесса Бейли

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	29
Глава третья	50
Глава четвертая	104
Глава пятая	151
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Мариана Запата

От Лукова с любовью

Mariana Zapata

FROM LUKOV WITH LOVE

Copyright © 2018 Mariana Zapata

© 2018 Mariana Zapata

© Наумова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ОТ ЛУКОВА
с Любовью

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Москва
2023

*Моей лучшей подруге и вообще – лучшей из всех,
кого я знаю, моей маме, поистине классной
женщине*

Глава первая

Зима/весна 2016 г.

Грохнувшись на задницу пять раз подряд, я решила, что пора закругляться.

По крайней мере, на сегодня все.

Еще пару часов многочисленных падений моя задница может стерпеть и завтра. Точнее, могла бы, если б я, черт побери, поняла, что делаю неправильно. Уже второй день я не могла нормально приземлиться после проклятого прыжка.

Переворачиваясь на ягодицу, которая больше всего пострадала от падений, я в отчаянии выдохнула, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться – хотя больше всего мне хотелось заорать «сукин ты сын». Я запрокинула голову к потолку и в ту же секунду осознала свою ошибку, потому что помнила, что свисает с потолка куполообразного строения. В принципе то же, что маячило у меня перед глазами последние тринадцать лет.

Баннеры.

Баннеры, свисающие со стропил.

Баннеры с одним и тем же дурацким именем на них.

ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ.

И снова: ИВАН ЛУКОВ.

Были и другие имена, по праву находившиеся рядом, — другие несчастные души, партнером которых он был много лет, но именно его имя неизменно бросалось мне в глаза. Не потому, что он делил фамилию с дорогим мне человеком, а потому, что его имя напоминало мне о самом Сатане. Я была совершенно уверена, что родители усыновили его прямоком из ада.

Но в тот момент ничто больше не имело значения, кроме этих свисающих с потолка шпалер.

Пять голубых баннеров, каждый из которых свидетельствовал о выигранном им национальном чемпионате. Два красных баннера за два чемпионата мира. Два бледно-желтых баннера за две золотые медали. Один серебристый баннер в честь его единственной серебряной медали, взятой на чемпионате мира, которая теперь лежала в наградном ящичке на входе в здание.

Фу. Высочка. Мудак. Придурок.

И слава богу, блин, что там не было баннеров за каждый его кубок или каждое соревнование, в которых он одерживал победу на протяжении долгих лет, иначе весь потолок был бы завешан разноцветными баннерами и мне пришлось бы блевать каждый день.

Столько баннеров... и ни одного с моим именем. Ни единого. Неважно, как упорно я трудилась, как старательно тренировалась, все это было неважно. Потому что никто не пом-

нит о том, кто стоит на втором месте, если только ты – не Иван Луков. А я им не была.

Зависть, на которую я не имела права, но которую не могла оставить без внимания, пронзила меня прямо в грудь, и мне стало противно. *Офигительно противно*. Волноваться из-за того, что делают другие, – пустая трата времени и сил, я поняла это еще ребенком, когда видела красивые костюмы и новые коньки у других девочек. Завидовать и обижаться – удел тех, кому больше нечего делать, вот так-то. Я это знала. Если тратить время на сравнения с другими, не получится стать успешным. Это я тоже знала.

И мне никогда не хотелось быть таким человеком. Тем более такой дурой. Я бы лучше унесла эту трехсекундную зависть с собой в могилу, чем рассказала бы кому-то, как на меня действуют эти баннеры.

Напомнив себе об этом, я перевернулась на колени, чтобы больше не видеть дурацких тряпок.

Шлепнув руками по льду, я заворчала, подтянув под себя ноги – удерживать равновесие на коньках было моей второй натурой, – и наконец встала. *Снова*. В пятый, мать твою, раз меньше чем за пятнадцать минут. Слева все болело – тазовая кость, ягодица и бедро, а днем позже будет болеть еще сильнее.

– Вот херня, – пробормотала я себе под нос, чтобы никто из девчонок, катающихся вокруг, не услышал. Меньше всего мне хотелось, чтобы одна из них нажаловалась на меня

администрации. Снова. Маленькие стукачки. Как будто они не слышали мат в телевизоре, на улице или в школе.

Страхнув с бока лед, оставшийся после падения, я сделала глубокий вдох, втягивая вспыхнувшее в теле разочарование во всем – в себе, в своем теле, в своем положении, в своей жизни, в других девушках, рядом с которыми, черт побери, даже ругаться нельзя, и особенно в сегодняшнем дне. Мало того, что я проспала и не смогла приземлиться после прыжка, на работе я *дважды* пролила кофе себе на юбку, чуть не сломала коленную чашечку, пока открывала дверцу машины, а теперь еще и вторая долбаная тренировка подряд...

Если воспринимать жизнь как грандиозный замысел, тот факт, что я не смогла приземлиться после прыжка, который делала уже на протяжении десяти лет, ничего не значит. Об этом легко забыть. Просто неудачный день. *Очередной* неудачный день. Ничего сверхъестественного. Всегда найдется что-нибудь похуже, что в теории могло бы произойти, а когда-нибудь, в один день, и произойдет. Легко принимать все как должное, когда думаешь, что у тебя есть все.

Но когда начинаешь принимать как должное самые основополагающие вещи, жизнь решает напомнить тебе о том, что ты – неблагодарная идиотка.

А сегодня я считала само собой разумеющимся, что приземлюсь после тройного сальхова¹, прыжка, который испол-

¹ Сальхов – элемент фигурного катания, реберный прыжок, назван в честь

нию уже десять лет. Это не самый простой элемент в фигурном катании – перед тем как оторваться от земли, нужно отъехать назад на заднем внутреннем ребре конька, а потом сделать три оборота. И при этом фигуристка, сделав мах другой ногой, должна приземлиться на эту же ногу, на заднее наружное ребро конька – но, безусловно, таких трудностей, как сегодня, у меня и в помине не было. Обычно сальхов я исполняла с легкостью.

Но, видимо, не сегодня и не вчера.

Прижав тыльные стороны ладоней к векам и надавив на них, я глубоко вдохнула, а потом медленно выдохнула, вращая при этом плечами. Нужно успокоиться и просто пойти домой. Утро вечера мудренее.

И ведь не то чтобы я собираюсь в ближайшее время участвовать в соревнованиях, – напомнила моя практичная, но абсолютно мудацкая часть мозга.

Как и всякий раз, когда я думала об этом «потрясающем» факте, у меня свело живот от праведного гнева... и чего-то еще, что было ужасно похоже на безысходность.

И я точно так же затолкала эти эмоции глубже, глубже, глубже, так глубоко, что их нельзя было ни увидеть, ни потрогать, ни понюхать. *Они были бесполезными.* Я это знала. Совершенно бесполезными.

Я не сдамся.

Сделав еще один вдох и выдох и неосознанно потеряв ноющую ягодицу, о чем забыть было труднее всего, я в последний раз за день окинула взглядом каток. Видя девушек гораздо моложе меня, все еще продолжающих тренироваться, я снова насупилась. На катке было три девушки примерно моего возраста, а другие казались еще подростками. Может, они были не слишком хороши, по крайней мере не так хороши, как я в их возрасте, но тем не менее. *У них впереди была вся жизнь.* Только в фигурном катании и, может, в гимнастике вас могут считать старой в двадцать шесть лет.

Да, нужно пойти домой и лечь на диван у телевизора, чтобы покончить с этим проклятым днем. Ничего хорошего у меня никогда не получится, если я буду упиваться жалостью к себе. Ничегошеньки.

Мне понадобилось не более двух секунд, чтобы, лавируя среди других спортсменов на льду и объезжая их, добраться до низкого бортика по периметру катка и ни в кого не врезаться. На том самом месте, где я всегда оставляла чехлы от коньков, я их и нашла и, прежде чем шагнуть на твердую землю, натянула на прикрепленные к ботинкам широкие четырехмиллиметровые лезвия.

Я старалась не обращать внимания на то, что ощущение скованности, опоясывающее грудь, не было просто сильным разочарованием от того, что я так часто падала. А может, и было.

Я была не готова поверить в то, что, скорее всего, попусту

трачу время, дважды в день посещая Ледяной дворец спорт-комплекса Луковых в надежде однажды снова принять участие в соревнованиях. Потому что сама мысль о том, чтобы отступить, казалось, означала, что последние шестнадцать лет моей жизни были потрачены впустую. Что меня практически лишили детства из-за какой-то ерунды. Что я пожертвовала общением и нормальной человеческой жизнью ради своей мечты, которая когда-то была такой огромной, что ничто и никто не мог отнять ее у меня.

Что моя мечта выиграть золотую медаль... хотя бы на чемпионате мира, даже на национальном чемпионате... не раскололась вдребезги на мельчайшие частички размером с конфетти, за которые я по-прежнему цеплялась, несмотря на то, что в глубине души понимала: все это скорее причиняет мне боль, чем помогает.

Нет.

Но от всех этих мыслей и сомнений у меня почти ежедневно болел живот и меня время от времени тошнило.

Мне нужно расслабиться. Или, может, помастурбировать. Что-то из этого должно помочь.

Дрожа от паршивого ощущения в животе, я обошла каток и, затерявшись в толпе, пошла дальше по коридору, ведущему к раздевалкам. Вокруг катка на бортике висели родители и дети, готовые к вечерним занятиям, тем самым занятиям, которые я начала посещать в девять лет, пока не перешла в небольшую группу и не стала брать частные уроки у Гали-

ны. Старые добрые времена.

Пригнув голову и избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, я шла дальше, и мимо проходили люди, которые также избегали поднять на меня глаза. Уже идя по коридору к месту, где оставила свои вещи, я заметила стоявшую неподалеку группу из четырех девочек-подростков, притворявшихся, что делают растяжку. Притворявшихся, потому что невозможно сделать хорошую растяжку, если ты болтаешь, и болтаешь без умолку.

Во всяком случае, я так думала.

– Привет, Джесмин! – поздоровалась одна из них, которая, как я помнила, всегда уступала мне дорогу, демонстрируя свое дружелюбие.

– Привет, Джесмин! – вторила ей стоявшая позади девушка.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть им, хотя в этот момент я прикидывала, сколько времени понадобится, чтобы вернуться домой и либо приготовить что-нибудь поесть, либо разогреть в микроволновке то, что приготовила мама, и, возможно, усесться у телевизора. Может быть, если бы тренировка прошла лучше, мне захотелось бы чего-нибудь еще, например отправиться на пробежку или даже заехать к сестре, но... этому не суждено было случиться.

– Удачной тренировки, – пробормотала я, глядя на двух подружек и сверкнув глазами на двух других, молча стоявших напротив. Они показались мне знакомыми. Скоро

должно было начаться занятие для фигуристов средней возрастной группы, на которое, как я предположила, они и были записаны.

– Спасибо, и вам! – громко выкрикнула первая из заговоривших со мной девочек, но тут же умолкла и покраснела, такой оттенок красного я видела только у одного человека – у своей сестры.

Улыбка, заигравшая у меня на губах, была искренней и неожиданной, потому что девочка навела меня на мысль о банке «Скверта»², и я ткнулась плечом в распашную дверь раздевалки. Не успев сделать и шага вперед и все еще придерживая плечом открытую дверь, я услышала:

– Не знаю, почему ты так ей радуешься. Может, она и была хорошей одиночницей, но она же постоянно задыхалась, а о карьере в парном катании и говорить нечего.

И... я замерла. Прямо там, где стояла. В дверном проеме. И сделала то, что, как я отлично знала, было неудачной идеей, – я прислушалась.

Подслушивание никогда никому не шло на пользу, но я все равно это сделала.

– Мэри Макдоналд катается в паре лучше нее...

Вот они о чем...

Дыши, Джесмин. Дыши. Молчи и дыши. Думай о том, что сказать. Думай о том, чего ты добилась. Думай о...

² «Squirt» (англ.) – газированный безалкогольный напиток без кофеина, со вкусом грейпфрута. Бывает ярко-красного цвета.

– ...в противном случае в последнем сезоне Пол не взял бы ее себе в партнерши, – закончила девочка.

Оскорбление запрещено законом. Но слишком ли противозаконно ударить подростка?

Дыши. Думай. Будь добрее.

Я достаточно взрослая, чтобы быть умнее. Я знаю. Я достаточно взрослая, чтобы не позволить какой-то маленькой идиотке, вероятно еще даже не достигшей половой зрелости, оскорблять себя, но...

Карьера в парном катании – моя больная мозоль. А точнее, кровоточащий волдырь, который отказывается заживать. Не сжечь ли мне заживо Мэри Макдоналд и засранца Пола? Вчера ночью я вдоволь насмотрелась «Семейки Брэди»³, когда не смогла заснуть, чтобы запомнить все разборки Яна с Марсией. Я бы тоже возненавидела ее задницу. Точно так же, как возненавидела задницу Мэри Макдоналд.

– Вы смотрели видео с ней? Мама говорит, что у нее дурной характер, поэтому она никогда не выигрывала, судьи ее не любят. – Другая девочка попыталась перейти на шепот, но я все равно слышала каждое ее слово.

Мне не нужно было этого делать. Мне ничего не нужно было делать. Ведь они еще дети, пыталась я убедить себя. Они не знают всего. Они не знают даже части моей истории. Большинство людей не знает и никогда не узнает. Я смирилась и переступила через это.

³ «Семейка Брэди» – американский комедийный телесериал.

Но между тем одна из них продолжала говорить, и я поняла, что не смогу к чертовой матери смолчать и позволить им нести этот бред. На меня навалилось так много всего, что уже трудно было вытерпеть. День не сложился уж точно.

— Моя мама сказала, что она тренируется исключительно потому, что дружит с Кариной Луковой, но, говорят, с Иваном они не ладят...

Еще бы, блин, чуть-чуть, и я бы фыркнула. Мы с Иваном не ладим? Так они это называют? *Прекрасно.*

— Она та еще стерва.

— Никто даже не удивился, что она не нашла партнера после того, как Пол ее бросил.

Ах вот как.

Может, если бы они не произнесли имя на букву П еще раз, я смогла бы повести себя как большая, но, пошло оно все на хер, я метр шестьдесят ростом, так что «большой» мне все равно не стать.

Не сумев сдержать себя, я развернулась и высунула голову из двери: девочки были там же, где стояли минуту назад.

— Что вы только что сказали? — медленно спросила я, хотя бы оставив при себе: *вы, бездарные засранки, у которых ни хрена никогда не выйдет.* Я намеренно посмотрела на тех двух, которые не поздоровались со мной; их головы в ужасе повернулись в мою сторону, как только я заговорила.

— Я... я... я... — Одна из них заикалась, а другая смотрела так, словно вот-вот испачкает свой купальник и колготки.

Отлично. Я надеялась, что так оно и случится. И что это будет понос, который растечется повсюду.

Мне показалось, что я не меньше минуты пристально смотрела на каждую, наблюдая, как их лица окрашиваются в ярко-красный цвет, и получала от этого удовольствие... но не такое большое, как получила бы при обычных обстоятельствах, если бы уже сама не достала себя больше, чем они. Вскинув брови, я повернула голову в сторону длинного, похожего на туннель коридора, по которому только что пришла с катка в раздевалку, и одарила их улыбкой, совсем не похожей на улыбку.

– Так я и думала. Бегите на тренировку, пока не опоздали.

Каким-то чудом я удержалась от того, чтобы не прибавить в конце «засранки». Иногда мне прямо можно было вручать медаль за то, что я так терпелива с идиотами. Если бы только устраивали соревнования подобного рода, я бы победила.

Очень вероятно, что я бы никогда в жизни не увидела настолько быстро передвигающихся людей (разве что на соревнованиях спринтеров на Олимпиаде). Две других, более доброжелательных девочки выглядели слегка шокированными, но, смущенно улыбнувшись мне, пошли друг за другом и стали перешептываться.

Вот из-за таких девочек я давно прекратила попытки завести подруг среди фигуристок. Маленькие засранки. Я показала им средний палец, правда, легче от этого не стало.

Мне надо было выпустить пар. Очень, очень надо.

Наконец я вошла в раздевалку и упала на одну из скамеек, стоявшую перед рядом шкафчиков; пока я шла, боль в тазобедренном суставе и бедре усилилась. Я падала и больнее, чем сегодня, но, даже зная это, невозможно до конца «привыкнуть» к боли; когда испытываешь ее регулярно, заставляешь себя преодолевать ее быстрее. А дело в том, что я тренировалась не так, как привыкла, – ведь у меня не было партнера и тренера, который ежедневно исправлял бы мои ошибки на протяжении нескольких часов, – поэтому мое тело забыло, что ему нужно делать.

Просто еще один дерьмовый намек на то, что жизнь продолжается даже вопреки моей воле.

Вытянув ноги вперед, я не обращала внимания на пятерых подростков постарше, теснившихся на противоположной стороне комнаты, чуть дальше от двери. Они одевались и возились с ботинками, не переставая болтать. Они не смотрели на меня, а я лишь искоса взглянула на них. Развязывая шнурки, я всего на секунду задумалась о том, чтобы пойти в душ, но потом решила, что это напрасный труд, ведь можно было потерпеть двадцать минут до дома, а там переодеться и принять душ в своей большой ванной. Я сняла белый ботинок с правой ноги, а затем осторожно стащила бинт телесного цвета, закрывавший щиколотку и поднимавшийся сантиметров на пять выше.

– *О боже!* – довольно громко вскрикнула одна из девочек на другой стороне комнаты, лишая меня возможности

абстрагироваться от нее. — *Ты не шутишь, нет?*

— *Нет!* — ответил кто-то, пока я развязывала левый ботинок, стараясь изо всех сил не обращать внимания на девчонку.

— *Серьезно?* — послышался другой голос, или, может быть, это был тот же, что и вначале, только выше. Трудно сказать. Я вроде бы и не пыталась к ним прислушиваться.

— *Серьезно!*

— *Серьезно?*

— *Серьезно!*

Закатив глаза, я снова попробовала не обращать на них внимания.

— *Нет!*

— *Да!*

— *Нет!*

— *Да!*

Да. Я не могла игнорировать этот вздор. Разве я была когда-нибудь такой надоедливой? Бесячей девчонкой?

Да не может быть.

— *Где ты это слышала?*

Я как раз набирала шифр кодового замка на своем шкафчике, когда раздался целый хор голосов, и это заставило меня обернуться и посмотреть на девочек через плечо. Одна из них буквально выглядела как машина, набирающая скорость: оскалив зубы, она развела руки на уровне груди и хлопнула в ладоши. Другая переплела пальцы и поднесла

их ко рту. Кажется, ее трясло.

Что, черт побери, не так с этими двумя идиотками?

– Ты это слышала? Я видела, как он шел с тренером Ли. Фу.

Конечно. О ком еще, черт возьми, они могли говорить?

Я не стала утруждать себя, ахать или закатывать глаза и, снова повернувшись к своему шкафчику, достала оттуда спортивную сумку. Потом села на скамейку и в тот же момент расстегнула молнию, чтобы откопать телефон, ключи, вьетнамки и крохотную шоколадную плитку «Херши», которую я держала как раз на такой случай. Сняв обертку, я засунула шоколадку в рот, а потом взяла телефон. На экране мигал зеленый огонек, сигнализирующий о непрочитанных сообщениях. Разблокировав телефон, я посмотрела через плечо и увидела, что девочки по-прежнему вопят так, словно они на грани сердечного приступа из-за этого кретина. Не обращая на них внимания, я не спеша прочитала сообщения из группового чата, пропущенные во время тренировки.

Джоджо: Хочу пойти в кино сегодня вечером.
Кто со мной?

Тэйли: Надо подумать. Что за фильм?

Мама: Мы с Беном пойдем с тобой, малыш.

Себ: Нет. У меня сегодня свидание.

Себ: Джеймс не хочет? Я его не обвиняю.

Джоджо: Новый фильм Марвел.

Джоджо: Себ, надеюсь, ты подхватишь венерическое

заболевание.

Тэйли: Марвел? Нет, спасибо.

Тэйли: Себ, я тоже надеюсь, что ты подхватишь венерическое заболевание.

Мама: НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ БЫТЬ ДОБРЕЕ ДРУГ К ДРУГУ?

Себ: Идите все в жопу, кроме мамы.

Рубс: Я бы пошла с тобой, но Аарон неважно себя чувствует.

Джоджо: Я знаю, Мелочь. Люблю тебя.
В следующий раз.

Джоджо: Мама, давай пойдем. В 7.30 окей?

Джоджо: Себ – [смайлик со средним пальцем]

Джоджо: Джес, ты идешь?

Я подняла глаза, потому что девочки в раздевалке так расшумелись, что это стало невыносимо. Я подумала: что, блин, с ними происходит? Господи Иисусе, Иван тренируется здесь пять раз в неделю уже целый миллион лет. Не слишком увлекательное зрелище. По мне, так не было ничего скучнее.

Поджав пальцы с ярко-розовыми ногтями, я сосредоточилась на них, умышленно не обращая внимания на синяк рядом с мизинцем и набухающий волдырь под большим пальцем, образовавшийся от шва колготок новой марки, которые я надевала накануне.

– *Что он здесь делает?* – не унимались подростки, напоминая мне о том, что нужно уйти отсюда как можно скорее.

Мое терпение лопалось.

Снова взглянув на телефон, я попыталась решить, что делать. Пойти домой и посмотреть фильм или согласиться пойти в кино с братом, мамой и Беном, или номером четыре, как называли его все остальные?

Я бы лучше пошла домой, а не зависала в выходные в многолюдном кинотеатре, но...

Ладонь на секунду сжалась в кулак, и я напечатала ответ.

Я пойду с вами, но мне нужно сначала поесть. Сейчас еду домой.

Потом, улыбнувшись, я добавила еще одно сообщение:

Себ, мне пофиг, если ты подхватишь венерическое заболевание. Но на этот раз постарайся подцепить гонорею.

Тем временем, зажав телефон между ног, я достала из кармана сумки ключи от машины, схватила вьетнамки и аккуратно уложила оба конька в изготовленные на заказ защитные футляры, высланные искусственным мехом поверх тонкой пены с эффектом памяти, которые мой брат Джонатан с Джеймсом купили мне много лет тому назад. Застегнув молнию на сумке, я сунула ноги в сандалии и со вздохом поднялась, ощущая стеснение в груди.

Это был не лучший день, но он мог бы стать лучше, сказала я самой себе.

Он обязан стать лучше.

Хорошо, что завтра не нужно идти на работу, к тому же по воскресеньям я обычно не хожу на каток. Мама, наверное, напечет блинов на завтрак, и я собиралась пойти в зоопарк вместе с братом и племянницей, после того как он заберет ее на целый день. Из-за фигурного катания я упускала многие моменты в ее жизни. Теперь, когда у меня стало больше времени, я пыталась наверстать упущенное. Я предпочитала относиться к этому именно так, нежели заикливаться на том, почему у меня теперь больше свободного времени. Я старалась быть позитивной. Пока мне это не слишком удавалось.

– *Не знаю, – сказала одна из девушек. – Но обычно он не приходит сюда в течение месяца или двух после окончания сезона, а сейчас что? Всего неделя после Кубка мира?*

– *Я думаю, не растает ли он с Минди?*

– *Почему ты так думаешь?*

– *Не знаю. Почему он расставался со всеми, кто был до нее?*

С того момента, как они назвали имя тренера Ли, я уже знала, о ком речь. В КЛ, как большинство из нас называло Ледово-спортивный комплекс Луковых – или коротко Комплекс Луковых, – оставался только один мужчина, о котором эти девушки стали бы нести такую чепуху. Тот самый парень, который волновал всех. Каждую девушку, не считая, по крайней мере, меня. И еще кого-нибудь, у кого были мозги. Иван Луков.

Или, как мне нравилось называть его, особенно в лицо,

Сын Сатаны.

– Я только сказала, что видела его. Я не знаю, что он здесь делает, – донесся до меня чей-то голос.

– Он никогда не приходит просто так, Стэйси. Давай. Сложи два и два.

– О боже, неужели они с Минди расходятся?

– Если они расходятся, интересно, с кем он будет кататься?

– Может быть, ни с кем.

– Черт, я бы дорого заплатила, чтобы кататься с ним в паре.

– Ты даже ничего не знаешь о парном катании, дуручка, – фыркнув, сказала другая девочка. Я нарочно не прислушивалась, но мой мозг продолжал складывать вместе обрывки их реплик, пока они влетали в одно мое ухо и вылетали из другого.

– Неужели это так трудно? – с гордостью выпалил другой голос. – У него самая классная задница в стране, и он побеждает с любой партнершей. Для меня это раз плюнуть.

Я закатила глаза, особенно на словах про задницу. Этому идиоту только комплиментов его заднице не хватало. Но она упустила самое главное об Иване. Тот факт, что он был самым красивым и самым желанным парнем в мире фигурного катания, на которого все пускали слюни. Мальчиком, красовавшимся на постерах Международного союза как символ парного катания. Блин, да вообще любого катания. «Коро-

лем коньков», как некоторые называли его. «Юным дарованием», как обычно все говорили, когда он был подростком.

Он был членом семьи владельцев спортивного центра, где я тренировалась уже более десятка лет.

Братом одной из моих подруг.

Мужчиной, за десять лет не сказавшим мне ни одного доброго слова. Именно таким я знала его. Мудакom, с которым я встречалась изо дня в день и который время от времени пререкался со мной из-за какой-нибудь ерунды. Человеком, каждый разговор с которым заканчивался лишь тем, что один из нас оскорблял другого.

Да... Я не знала, почему он оказался в Комплексе Лукoвых всего через неделю после того, как выиграл свой третий чемпионат мира, через несколько дней после окончания сезона, хотя ему следовало бы отдыхать или уехать в отпуск. По крайней мере, именно так он поступал каждый год, насколько я помнила.

Волновало ли меня то, что он был рядом? Нет. Если бы мне действительно захотелось узнать, что происходит, я могла бы просто спросить у Карины. Только я не спрашивала. В этом не было никакой необходимости.

Потому что вряд ли мы с Иваном стали бы соревноваться друг с другом в ближайшее время... или вообще когда-либо, если дела продолжат идти в том же духе.

И пока я стояла там, в той самой раздевалке, где провела больше половины жизни, что-то подсказало мне, хотя я – ни-

когда, никогда, никогда – не хотела в это верить, что причина именно в этом. Что, возможно, я у цели. После стольких лет, после долгих месяцев одиночества... моя мечта могла осуществиться.

А у меня не было ни черта, чем можно было бы похвастаться.

Глава вторая

– *Вы слышали новость?*

Сидя в раздевалке, я как можно сильнее затянула шнурки на ботинках и завязала концы довольно тугим узлом, чтобы они выдержали в течение следующего часа. Даже не оборачиваясь, я знала, что на дальнем конце той же скамейки напротив своих шкафчиков сидят две девочки-подростка. Они торчали здесь каждое утро, как правило, бесполезно растрчивая время. Если бы они не болтали, то могли бы больше времени проводить на льду, но мне было по барабану. Не я оплачивала их время на катке. Если бы у них была такая мама, как у меня, она бы очень быстро отучила их от привычки болтаться без дела.

– *Мама рассказала мне вчера вечером,* – сказала та, что была повыше, поднимаясь со скамейки.

Я встала и, не обращая на них внимания, принялась вращать плечами назад, несмотря на то что провела уже целый час, разогреваясь и растягиваясь. Возможно, я не каталась по шесть или семь часов в день, как привыкла – тогда растяжка, по крайней мере в течение часа, была бы абсолютно необходима, – но от старых привычек трудно отказаться. Не стоило экономить час и пропускать разминку, чтобы потом несколько дней или недель страдать от растяжения мышц.

– Она сказала, что слышала, как кто-то говорил, что, кажется, он уходит из спорта из-за проблем с партнершами.

Теперь это привлекло мое внимание.

Он. Уходит из спорта. Проблемы.

То, что я окончила среднюю школу вовремя, было почти чудом, но даже я поняла, о ком они говорят. Иван. Кто, черт побери, еще это мог быть? Не считая нескольких мальчишек и Пола, который три года тренировался вместе со мной в Ледово-спортивном комплексе Лукова, не было никакого другого «его». Была еще парочка подростков, но ни один из них не смог бы пойти так далеко, – если кого-то хоть чуть-чуть интересовало мое мнение. Что было отнюдь не так.

– *Может, после ухода он подастся в тренерство*, – сказала одна из девочек. – *Я была бы не против, если бы он кричал на меня целыми днями.*

Я почти рассмеялась. Иван уходит? Ни за что. Ни за что на свете он не уйдет из спорта в двадцать девять лет, тем более не сейчас, не на пике своей формы. Несколько месяцев назад он победил на чемпионате США. А месяцем раньше занял второе место в финале Гран-при по фигурному катанию.

В любом случае, какого черта я обращаю на это внимание?

Мне плевать на то, что он делает. Его жизнь меня не касалась. Всем нам когда-нибудь нужно будет уйти. И чем

меньше мне придется смотреть на его надоедливую рожу, тем лучше.

Решив, что не стоит отвлекаться, ведь на тренировку у меня всего два часа, – тем более отвлекаться на Ивана, а не на кого-то другого, – я направилась к выходу из раздевалки, оставив двух подростков попусту тратить время на сплетни. В это раннее утро на льду было, как обычно, шесть человек. Я пришла не так рано, как прежде, – теперь это не имело смысла, – но каждое из этих лиц я наблюдала уже много лет. Некоторые чаще, чем остальные.

Галина уже сидела на трибуне для зрителей, за бортиком, вместе с термосами с кофе, который, как мне было известно по опыту, был очень густым, а на вкус напоминал деготь. Шея и уши у нее были замотаны любимым красным шарфом, и она была одета в свитер, который я видела уже раз сто и который в довершение всего был похож на шаль. Я могла бы поклясться, что с каждым годом к тому, что она надевала, прибавлялось по одному предмету одежды. Четырнадцать лет назад, впервые сорвав меня с уроков, она прекрасно себя чувствовала в длинной майке с рукавом и шали. Теперь в таком одеянии она, наверное, замерзла бы до смерти.

Четырнадцать лет – это больше, чем прожили некоторые из этих девочек.

– Доброе утро, – сказала я на ломаном русском, которого нахваталась от нее за эти годы.

– Привет, *ежик*, – поприветствовала она меня, на мгню-

вание устремив взгляд на лед. Потом она перевела взгляд на меня, при этом ее лицо было таким же, каким я помнила его в двенадцать лет: обветренное и суровое, словно ее кожа из пуленепробиваемой ткани. – Как прошли выходные, хорошо?

Я кивнула, ненадолго предавшись воспоминаниям о том, как ходила в зоопарк с братом и племянницей, после чего мы отправились к нему в квартиру, чтобы поесть пиццы. То есть сделали две вещи, которые я, кажется, никогда не делала прежде – включая пиццу.

– А вы как? – спросила я женщину, которая научила меня очень многому, и мне никогда не расплатиться с ней за это.

На ее лице появились ямочки, что было нечастым зрелищем. Я так хорошо знала ее лицо, что могла бы в совершенстве описать его составителю фоторобота, если бы она вдруг пропала. Круглое, с тонкими бровями, миндалевидными глазами, тонкими губами и шрамом на подбородке, оставшимся от лезвия конька партнера еще с тех пор, когда она участвовала в соревнованиях. Не то чтобы она должна была когда-нибудь пропасть. Любой похититель, наверное, отпустил бы ее через час.

– Я виделась с внуком.

Я стала перебирать в голове даты, пока до меня не дошло.

– У него был день рождения, да?

Галина кивнула и перевела взгляд на каток, где находилась фигуристка, с которой она стала работать после того,

как я ушла в парное катание четыре года назад. Да, мне не хотелось расставаться с ней, но это было неважно. Я больше не ревновала, не думала о том, как быстро она нашла мне замену. Но порой, особенно в последнее время, это беспокоило меня. Совсем чуть-чуть. Хотя этого было достаточно.

Я никогда не призналась бы ей в этом.

– Вы наконец купили ему коньки? – спросила я.

Мой прежний тренер склонила голову набок и пожала плечами, не отрывая своих серых глаз, миллион раз смущавших меня, ото льда.

– Да. Подержанные коньки и видеоигру. Я ждала. Ему почти столько же лет, сколько было тогда тебе. Поздновато, но еще вполне возможно.

Наконец-то она сделала это. Я помнила, когда он родился – еще до того, как мы расстались, – и как мы говорили о том, что ему нужно заняться фигурным катанием, как только он подрастет. Это был лишь вопрос времени. Мы обе понимали это. Ее собственные дети не пошли дальше юниоров, но это не имело значения.

Но мысли о нем, о ее внуке, вызвали у меня... почти ностальгические ощущения, воспоминания о том, какое удовольствие доставляло мне в ту пору фигурное катание. Еще до того, как я оказалась под сокрушительным прессом, до инцидента и до того, как на меня обрушились гребаные критики. До того, как я познала горький вкус разочарования. Фигурное катание всегда вселяло в меня чувство непо-

бедимости. Даже больше, благодаря ему я чувствовала себя потрясающе. Раньше я не знала, что возможно испытать ощущение полета. Быть сильной. Красивой. В чем-то преуспевать. Особенно в том, что волновало меня больше всего. Я не осознавала, что умение скручивать свое тело, извиваться и придавать ему разные, казавшиеся невообразимыми позы способно восхищать. Я казалась себе до такой степени не похожей на всех остальных, скользя на максимальной скорости по овалному катку, что даже не задумывалась о том, насколько изменится моя жизнь через несколько лет.

Тихий смех Галины вывел меня из состояния уныния. По крайней мере, на мгновение.

– Когда-нибудь ты станешь его тренером, – предположила она, фыркнув, – словно представила, что я буду обращаться с ним так же, как она со мной, – и рассмеялась.

Я хихикнула, вспомнив о той сотне подзатыльников, которые получила от нее за десять лет нашей работы. Кое-кто не выдержал бы ее своеобразной требовательной любви, но мне она втайне нравилась. Мне она шла на пользу. Мама всегда говорила, что стоит дать мне палец, и я откушу всю руку.

А Галина Петрова не уступила бы даже мизинца.

Но уже не в первый раз она упомянула о том, что мне нужно заняться тренерской работой. В последние несколько месяцев, когда ситуация становилась... все более безнадежной, когда моя надежда найти другого партнера стала таять, она,

не церемонясь, но и не торопя меня, как бы невзначай заводила со мной разговор об этой возможности. Просто говорила: *Джесмин, тренерство. Да?*

Но я все еще не была готова к этому. Мне казалось, что стать тренером значит сдать, а... я не была готова. Еще не готова. *Еще нет, твою мать.*

Но, может быть, пришло время? – прошептал какой-то ворчливый, хнычущий голосок в моей голове, и внутри все сжалось.

Галина, словно чувствуя, что происходит в моей голове, снова фыркнула:

– У меня много дел. Отрабатывай прыжки. Ты не отдаешься делу полностью, ты слишком погружена в свои мысли, поэтому и падаешь. Вспомни, как было семь лет назад, – сказала она, все еще внимательно глядя на лед. – Перестань думать. Ты знаешь, что делать.

Я не думала, что она замечает мои трудности с тех пор, как стала тренировать кого-то другого.

Но ее слова запали мне в душу, и я вспомнила то время, о котором она говорила. Она права. Тогда мне было девятнадцать лет. Это был самый неудачный сезон в моей одиночной карьере. У меня еще не было партнера, и я каталась одна. Тот сезон стал катализатором для трех последующих, которые и привели к тому, что я стала кататься в паре. Я была слишком погружена в свои мысли, постоянно накручивала себя и... ну, если я и совершила ошибку, перейдя из оди-

ночного катания в парное, было слишком поздно сожалеть об этом.

В жизни всегда нужно делать выбор, и я свой сделала.

Кивнув, я подавила в себе давнишний стыд, всколыхнувшийся при воспоминании о том ужасном сезоне. Оставаясь наедине, я постоянно думала о нем и жалела себя.

– Это меня и беспокоило. Я поработаю над прыжками. Увидимся, Лина, – сказала я своему бывшему тренеру, секунду повертев браслет на запястье, после чего уронила руки и встряхнула их.

Галина быстро скользнула взглядом по моему лицу, а затем с серьезным видом опустила подбородок и вновь обратила свое внимание на каток. Она выкрикнула что-то насчет слишком медленного прыжка с ярко выраженным акцентом.

Сняв чехлы с коньков и положив их на обычное место, я вышла на лед и сосредоточилась.

У меня все получится.

* * *

Ровно через час я так вспотела и устала, будто тренировка продолжалась уже три часа. Проклятье, я размякла. В конце я исполнила небольшую комбинацию прыжков – несколько или хотя бы один прыжок, за которым тут же следовал второй, иногда еще два, – но, честно говоря, была недовольна собой. Я едва приземлялась, вихляла и каждый раз старалась

удержаться, в то же время прилагая максимум усилий, чтобы сконцентрироваться на прыжках, и только на них.

Галина была права. Я была рассеянна, но не могла понять, что именно меня отвлекает. Может, и правда нужно было скорее помастурбировать, или заняться пробежкой, или *чем-то еще*. Да чем угодно, лишь бы прочистить мозги или хотя бы избавиться от этого тошнотворного ощущения, преследующего меня как призрак.

Лишь слегка раздраженная, я вернулась в раздевалку и обнаружила на дверце своего шкафчика желтый самоклеящийся листочек. У меня не возникло никаких мыслей. Месяц назад генеральный директор КЛ оставила мне похожую записку с просьбой зайти к ней в офис. Она всего лишь хотела предложить мне работать с начинающими. *Опять*. Я понятия не имела, почему она решила, что я – достойный кандидат, чтобы обучать маленьких девочек, практически малышей, и я сказала ей, что меня это не интересует.

Итак, я сорвала записку со шкафчика и не спеша прочитала: **Джесмин, зайди перед уходом в офис ГД**. Дважды, чтобы убедиться, что поняла все правильно. В голову мне пришло только, что независимо от того, чего хочет от меня ГД, стоит поторопиться, потому что нужно было возвращаться на работу. Мои дни были расписаны по минутам. Мой график можно было найти практически везде – в телефоне, на листках бумаги, которые валялись в машине, в сумках, в комнате, на холодильнике, – чтобы ничего не забыть

и не нервничать. Мне важно было быть дисциплинированной, подготовленной и всегда следить за временем. А теперь придется пропустить горячую ванну и отказаться от макияжа, чтобы вовремя прийти на работу, либо предупредить начальника.

Я открыла шкафчик и достала из сумки телефон, после чего набрала сообщение, поблагодарив Т9, облегчающий мою жизнь, и отправила его маме. Она никогда не расставалась с телефоном.

Я: ГД КЛ хочет поговорить. Можешь позвонить Мэтти и сказать, что я немного опоздаю, но постараюсь быть как можно скорее?

Она ответила мгновенно.

Мама: Что ты сделала?

Закатив глаза, я напечатала ответ. Ничего.

Мама: Тогда зачем тебя вызывают в офис?

Мама: Ты опять обозвала чью-то маму шлюхой?

Ну конечно, она так и не забыла об этом. Никто не забыл. Просто я не рассказывала ей о том, что ГД раза три просила меня зайти к ней в офис, чтобы обсудить тренерскую работу.

Я: Не знаю. Может, не приняли чек за прошлую неделю.

Это была шутка. Ей лучше, чем кому-либо другому, было

известно, сколько стоят тренировки в КЛ. Она оплачивала их более десятка лет.

Я: Нет. Я больше не обзывала ничью маму шлюхой, но та шлюха это заслужила.

Зная, что мама ответит почти немедленно, я положила телефон обратно в шкафчик и решила, что напишу ей через минуту. В рекордное время приняв душ и упаковав вещи, я натянула на себя нижнее белье, джинсы, майку, носки и самые удобные на вид туфли, которые только могла позволить. Покончив с этим, я проверила телефон и увидела, что мама ответила.

Мама: Тебе нужны деньги?

Мама: Она действительно этого заслужила.

Мама: Ты кого-то толкнула?

В душе я ненавидела себя за то, что мама все еще спрашивает, нужны ли мне деньги. Как будто я много лет из месяца в месяц недостаточно вытягивала их у нее. Один неудачный сезон за другим.

По крайней мере, больше я так не делала.

Я: С деньгами все в порядке. Спасибо.

Я: И я больше никого не толкала.

Мама: Уверена?

Я: Да, уверена. Я бы запомнила.

Мама: Точно?

Я: Да.

Мама: Если ты это сделала, все нормально.

Некоторые и правда напрашиваются.

Мама: Даже мне иногда хотелось треснуть тебя.
Такое случается.

Я не смогла удержаться от смеха.

Я: Мне тоже.

Мама: Ты хотела дать мне по шее?

Я: На этот вопрос нет правильного ответа.

Мама: Ха-ха-ха-ха.

Я: Не хотела. Окей?

Застегнув молнию на сумке, я взялась за ручку, зажала в кулаке ключи и как можно скорее вышла из раздевалки. Я едва не бежала по одному коридору, а потом по второму в ту часть здания, где были расположены торговые фирмы. Я хотела съесть сэндвич с белым хлебом и яйцом, который оставила в машине, по дороге. Подойдя к двери офиса, я на всякий случай напечатала еще одно сообщение, в этот раз не обращая внимания на опечатки.

Я: Серьезно, ма. Можешь позвонить ему?

Мама: ДА.

Я: Спс.

Мама: Люблю тебя.

Мама: Скажи, если тебе нужны деньги.

На секунду у меня перехватило дыхание, но я ничего не ответила. Я бы не призналась, даже если бы они были мне нужны. Никогда больше не призналась бы. По крайней мере, пока могла справляться сама. А я бы даже пошла в стрипти-

зерши, если бы пришлось. Мама и так достаточно сделала для меня.

Сдерживая вздох, я постучалась в дверь кабинета генерального директора, размышляя о том, как было бы хорошо, если бы этот разговор, о чем бы он ни был, продлился не больше десяти минут. Тогда я не слишком опоздала бы на работу. Мне не хотелось злоупотреблять снисходительностью маминого ближайшего друга.

Я повернула ручку и в ту же секунду услышала, как в кабинете кто-то прокричал:

– Заходи!

Проблема заключалась в том, что я никогда не любила сюрпризы. Никогда. Даже в детстве. Я всегда предпочитала знать, с чем буду иметь дело. Не стоит и говорить, что никто не устраивал мне сюрпризы в день рождения. Один раз, когда дедушка попытался это сделать, мама заранее предупредила меня, взяв клятву, что я буду вести себя так, словно это сюрприз. Так я и сделала.

Я была готова столкнуться с генеральным директором, женщиной по имени Джорджина, с которой мы всегда ладили. Я слышала, что некоторые называют ее упертой, но со мной она лишь проявляла характер и не позволяла вешать себе лапшу на уши – просто потому, что не обязана была это делать.

Поэтому я чертовски удивилась, когда первым человеком, которого я увидела в кабинете, оказалась не Джорджина,

а знакомая мне женщина лет под пятьдесят, в классическом черном свитере и с таким аккуратным пучком на голове, что подобное совершенство я раньше видела только на соревнованиях.

И еще больше я удивилась, когда увидела в кабинете второго человека, сидевшего по другую сторону стола.

В третий я раз я удивилась, когда поняла, что генерального директора нигде не видно.

Только... они.

Иван Луков и женщина, которая тренировала его последние одиннадцать лет.

Человек, с которым я не могла разговаривать без препирательств, и человек, который за эти одиннадцать лет сказал мне всего слов двадцать.

Что, черт побери, происходит? Я бросила взгляд на женщину, пытаюсь понять, правильно ли прочитала записку, приклеенную к шкафчику. Я не... неужели? Я не спешила. И прочитала ее два раза. Я больше не искажаю смысл написанного.

– Я искала Джорджину, – объяснила я, пытаюсь не обращать внимания на смущение из-за того, что неправильно прочитала слова на стикере. Я терпеть не могла лажу. *Терпеть не могла.* Еще хуже, блин, было бы облажаться у них на глазах. – Вы не знаете, где она? – выдавила я, все еще думая о записке.

Женщина слегка улыбнулась, но не так, как если бы я пре-

рвала какой-то важный разговор, и даже не совсем как человеку, которого много лет игнорировала. От этого я занервничала еще больше. Раньше она никогда мне не улыбалась. На самом деле я не помню, чтобы вообще хоть когда-то видела ее улыбающейся.

– Входи, – сказала она, по-прежнему с улыбкой на губах. – Это не Джорджина оставила записку на твоём шкафчике, а я.

Позже я испытаю облегчение от того, что правильно все поняла, но в тот момент я была слишком занята попытками разобраться, какого черта я здесь и почему она оставила мне записку... И почему, черт возьми, Иван сидит и ничего не говорит.

Будто прочитав мои мысли, женщина улыбнулась еще шире, словно хотела успокоить меня, но это произвело обратное действие.

– Садись, Джесмин, – сказала она тоном, который тут же напомнил мне о том, что она тренировала сидевшего слева от меня идиота, чтобы тот победил в двух чемпионатах мира. Проблема была в том, что она не приходилась мне тренером, а я не люблю, когда другие указывают мне, что делать, даже если имеют на это право. Кроме того, она никогда не была слишком любезна со мной. Не груба, но и не добра.

То есть все ясно. Но этот факт ничего не менял.

В течение двух лет я принимала участие в тех же соревнованиях, что и Иван. Я соперничала с ним, а он со мной. Желание победить того, с кем не находишься в дружеских отно-

шениях, проще. Но это не объясняло ее поведения в те годы, когда я каталась одна и мне нечего было делить с ним. Когда она могла бы быть дружелюбной по отношению ко мне... но этого не случилось. Не то чтобы я хотела тренироваться у нее или нуждалась в ней, но все-таки.

Поэтому она, наверное, и не удивилась, когда я, глядя на нее, только вскинула брови.

Видимо, она решила, что нет лучшего способа ответить мне, чем тоже вскинуть брови.

– Пожалуйста? – предложила она почти ласковым голосом.

Я не поверила ни ее интонации, ни ей.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как окинуть взглядом стулья напротив нее. Их было всего два, и один из них занял Иван, которого я не видела с тех пор, как он уехал в Бостон перед чемпионатом мира. Его длинные ноги – те самые ноги, которые я чаще видела в коньках, чем в обычных ботинках, – были вытянуты и просунуты под стол, за которым сидела его тренер. Но моим вниманием завладело не то, как лениво он сидел, скрестив руки на груди и выставив напоказ свою подкачанную грудь и стройный торс, и не темно-синий свитер с высоким воротником, оживляющий его почти бледное лицо, от которого другие девушки в этом здании сходили с ума.

Именно его внимательные серо-голубые глаза лишили меня дара речи. Я никогда не забывала, каким ярким был цвет

его глаз, но они все равно всегда заставляли меня врасплох. И куда уж без обрамлявших их длинных черных ресниц.

Но в его взгляде было что-то еще.

Фу.

Сколько девушек сходило с ума от его лица, волос, глаз, от его выступлений, от его рук, длинных ног, дыхания, от зубной пасты, которой он пользовался... Это бесило. Даже мой брат называл его красавчиком – хотя мужа моей сестры он тоже считал красавчиком, но это неважно. Кроме всего прочего, девушки преклонялись перед его широкими плечами, помогавшими удерживать партнершу на вытянутых руках. Краем уха я слышала, что женщины сходят с ума по его заднице, и не глядя на нее, я знала, что она идеально выпуклая – упругие ягодицы были практически обязательны в нашем виде спорта.

И если бы у Ивана было одно главное достоинство, им бы стали эти глаза, от которых бросало в дрожь.

Но у него его не было. У Дьявола нет ни единого достоинства, которое искупило бы его грехи.

Я пристально смотрела на него, а этот дьявольски симпатичный парень пристально смотрел на меня. Он не отводил взгляда от моего лица. Он не хмурился, не улыбался, ничего такого.

И это взбесило меня.

Он просто... смотрел. С закрытым ртом. А его руки – и пальцы – были засунуты под мышки.

Будь я кем-то другим, он поставил бы меня в неловкое положение своим взглядом. Но я не его фанатка. Я достаточно хорошо знаю его, чтобы не отвлекаться на трико, надетое прямо на голое тело. Он упорно тренировался, он был хорош. Но он не возбуждал меня. Определенно не вдохновлял. Не производил впечатления.

К тому же я помнила, как много лет назад мама разорвала на нем новые трико за то, что он огрызался, и это тоже не стоило сбрасывать со счетов.

– К чему все это? – медленно спросила я, еще на полсекунды уставившись в хорошо знакомое мне лицо Ивана, прежде чем наконец перевести взгляд на тренера Ли, почти сгорбившуюся над столом (как будто кто-то с ее осанкой был способен сгорбиться). Твердо упершись локтями в стол, со все еще вскинутыми тонкими и темными стрелами своих бровей, она с интересом смотрела на меня. Она была так же красива, так в те времена, когда принимала участие в соревнованиях. Я смотрела видео 80-х годов, когда она побеждала на национальных чемпионатах.

– Ничего страшного, обещаю, – осторожно проговорила немолодая женщина, словно издеваясь над моим смущением. Жестом она показала на стул рядом с Иваном. – Присядешь?

Если тебя просят сесть, хорошего не жди. Особенно если сесть предлагают рядом с Иваном. Так что я, пожалуй, откажусь.

– Я постою, – произнесла я, при этом звук моего голоса был таким же странным, как охватившее меня чувство.

Что происходит? Меня же не могут выкинуть из комплекса? Я ничего такого не сделала.

Если только те долбанные девчонки с воскресенья не настучали на меня. Черт.

– Джесмин, нам нужно всего две минуты, – неторопливо произнесла тренер Ли, продолжая указывать мне на стул.

Да, только этого дерьма мне не хватало, ситуация обострялась. Две минуты? За две минуты ничего хорошего не сделаешь. Я дважды в день чистила зубы больше двух минут.

Я не сдвинулась с места. Они настучали на меня. Маленькие засранки...

В подтверждение того, что я не умею скрывать свои мысли, тренер Ли, сидя за столом, вздохнула. Я заметила, как она быстро скользнула взглядом по Ивану, прежде чем снова посмотреть на меня. Она больше походила на адвоката, чем на фигуристку, которой когда-то была, и на тренера, которым стала теперь. Встав со своего места, женщина выпрямилась и, прежде чем заговорить, поджала губы.

– Тогда перейду сразу к делу. Насколько серьезно ты настроена отойти от дел?

Насколько серьезно я настроена отойти от дел? Так вот что все думают? Что я, твою мать, ухожу?

Не то чтобы... я сама решила остаться без партнера и пропустить целый сезон, но это неважно. *Неважно.* С моим

давлением произошло нечто странное, чего прежде никогда не случалось, но я решила не обращать внимания ни на него, ни на слово на букву «о» и вместо этого сфокусировалась на самых важных словах, слетевших с ее губ.

– Почему вы спрашиваете? – медленно проговорила я, все еще продолжая волноваться. Совсем чуть-чуть.

Нужно было все-таки позвонить Карине.

По той прямолинейности, с которой действовала эта женщина и которую я бы оценила в любое другое время, стало ясно, что она не будет ходить вокруг да около. И от этого я, черт побери, удивилась еще сильнее, потому что не ожидала услышать от нее эту фразу. Меньше всего на свете я ожидала услышать от нее это. Блин, меньше всего на свете я ожидала услышать это от кого угодно.

– Мы хотим, чтобы ты стала новой партнершей Ивана, – сказала женщина. Просто. Вот. Так.

Просто вот так.

В жизни бывают моменты, когда ты начинаешь вспоминать, не принял ли случайно наркотики. Вдруг кто-то украдкой подмешал тебе ЛСД в выпивку? Или начинаешь думать, что на автомате принял обезболивающее, а это оказалась «ангельская пыль»⁴.

Именно *так* я чувствовала себя в тот момент, стоя в кабинете генерального директора КЛ. Мне не оставалось ничего

⁴ «Ангельская пыль» – жаргонное название фенциклидина, принятое среди наркоманов.

другого, кроме как моргнуть. Потом моргнуть еще несколько раз.

Потому что *какого черта?*

— Да, если ты готова пересмотреть свое желание отойти от дел, — продолжила женщина, снова используя этот эвфемизм. А я стояла перед ней, гадая, кто бы мог подмешать мне в воду галлюциногенные таблетки, *потому что это, блин, вообще было невозможно*. Невозможно, чтобы эти слова действительно исходили от тренера Ли.

Ни за что на свете, черт побери.

Наверное, я ослышалась или просто почему-то прослушала гигантский фрагмент нашего разговора, потому что...

Потому.

Я и Иван? Партнеры? Не может быть. Ни единого шанса. ...так ведь?

Глава третья

Я не любила, когда меня пугали – да кто, блин, вообще, кроме фанатов ужастиков, такое любит? – но, если честно, меня вообще мало чем можно испугать. Пауки, летающие тараканы, мыши, темнота, клоуны, высота, углеводы, набор веса, смерть... ничего из этого не страшило меня. Я могу убить пауков, тараканов или мышь. Я могу включить свет. В целом могу дать пинка под зад клоуну (если только он не толстозадый). Несмотря на свой рост, я сильная и даже несколько лет вместе с сестрой посещала уроки самообороны. Высоты я вообще не боюсь. Углеводы великолепны, а если бы я поправилась, я знаю, как сбросить вес. И все мы когда-нибудь умрем. Ничто из этого не волновало меня. Ни капельки.

То, от чего я просыпалась по ночам, было нематериальным.

Например, тревогу из-за возможного провала и разочарование невозможно контролировать. Они просто существуют. Постоянно. И если и был какой-то способ справиться с ними, то я этому еще не научилась.

Я, наверное, могла сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз в жизни теряла контроль от страха, и всякий раз это было связано с фигурным катанием. Третий раз случился, когда я получила сотрясение мозга. Тогда врач сказал маме, что ей стоит подумать и забрать меня из фигурного ката-

ния, и я некоторое время искренне верила, что она заставит меня отказаться от него. Помню, как за этим сотрясением последовали еще два, и я боялась, что мама настоит на своем и скажет, что я не должна рисковать, учитывая последствия, к которым могут привести постоянные травмы мозга. Но она так не поступила.

Было еще несколько моментов, когда я ощущала вкус ваты во рту, а желудок сжимался и сотрясался... Не хотелось думать об этом чаще, чем того требовалось.

Но дела обстояли так. Отец в шутку говорил, что я способна на проявление только двух эмоций: безразличия и раздражения. Это было неправдой, но он недостаточно хорошо знал меня, чтобы понимать.

Но, когда я стояла там и раздумывала, сплю ли я, или нахожусь под воздействием наркотиков, или все это происходит в реальности – хотелось верить, что это так, что я не под действием галлюциногенов, – я слегка испугалась. Я не хотела спрашивать, правда ли это. Потому что: а если это неправда? Что, если это какая-то извращенная шутка?

Мне было мерзко оттого, что я чувствовала себя неуверенно.

Мне было безумно мерзко от осознания, что за ответ, который я так ждала, я, наверное, готова буду продать душу.

Но мама однажды сказала мне, что сожаление хуже страха. Тогда я этого не поняла, зато понимала теперь.

И именно с этой мыслью я озвучила вопрос, ответ на ко-

торый существенная часть моего «я» не желала знать на случай, если это не то, что я хотела бы услышать. «В каком смысле партнершей?» – медленно спросила я, чтобы удостовериться. Я мучительно пыталась представить, о каком, черт побери, партнерстве идет речь в этом дурацком сне, который казался мне таким правдоподобным. Будем вместе в гребаный «Эрудит» играть?

Мужчина, за взрослением которого я наблюдала на протяжении (бывавшем слишком близким), закатил свои ледяные голубые глаза. И, как и всякий раз, когда он закатывал глаза, я в ответ прищурила свои.

– В смысле кататься в паре, – ответил он, подразумевая что-то вроде «господи боже». Он напрашивался на пощечину. – А ты о чем подумала? О кадрили?

Я моргнула.

– Ваня! – зашипела тренер Ли, и краешком глаза я увидела, как она хлопнула себя ладонью по лбу.

Но я не была уверена, что это действительно случилось, потому что была слишком занята пристальным разглядыванием сидящего передо мной наглеца. *Не делай этого, Джесмин. Будь выше. Держи рот на замке...*

Но потом тихий голосок, который был мне хорошо знаком, прошептал: *Хотя бы до тех пор, пока не поймешь, чего они на самом деле от тебя хотят.* Потому что этого просто не могло быть. Не в этой жизни.

– Что? – спросил Иван, по-прежнему глядя на меня. Рав-

нодушное выражение его лица практически не изменилось, если не считать мимолетной ребяческой ухмылки, появившейся на его губах.

– Мы это обсуждали, – сказала его тренер, покачивая головой, и если бы я повернулась и посмотрела на нее, то увидела бы, что разозлилась не я одна. Но я была слишком увлечена тем, что уговаривала себя быть выше этого.

Хотя после ее замечания я очнулась и, переведя внимание на женщину, прищурилась.

– Обсуждали что? – лениво спросила я. Я бы приняла все, что бы она ни сказала. Хорошее или плохое. Я пережила все, что обо мне говорили, напомнила я себе. И когда при воспоминании об этих неприятностях у меня в душе ничего не перевернулось и не сжалось, я почувствовала себя лучше.

Тренер быстро скользнула по мне глазами, а потом одарила идиота на стуле недовольным взглядом.

– Он не должен был открывать рот, пока я все тебе не расскажу.

Я выдавила из себя только одно слово:

– Почему?

Женщина с нескрываемым раздражением глубоко вздохнула – мне был знаком этот вздох – и снова перевела взгляд на мужчину на стуле.

– Потому что мы пытаемся привлечь тебя в свою команду, вместо того чтобы напоминать о возможных причинах этого не делать.

Я моргнула. Опять.

А потом, не сумев сдержаться, повернула голову и ухмыльнулась, глядя на идиота в офисном кресле. Его ребяческая ухмылка никуда не делась, не исчезла даже тогда, когда он заметил, что я смотрю прямо на него.

Тупица, – беззвучно проговорила я, не успев сдержаться и вспомнив, что я собиралась быть выше этого.

Придурочная, – беззвучно произнес он в ответ.

После чего ухмылка быстро слетела с его лица, в принципе, как и всегда.

– *Отлично*, – сказала тренер Ли, раздраженно усмехнувшись, хотя в этом вообще не было ничего смешного. Я стояла и сверлила глазами демона в кресле, злясь на себя за то, что позволила ему себя разозлить. – Давайте на минуту вернемся к тому, о чем говорили. Джесмин, прошу, не обращай больше внимания сама знаешь на кого. Он не должен был открывать рта, чтобы *не испортить наш важный разговор, о котором он прекрасно осведомлен*.

Мне потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы снова повернуться к женщине, вместо того чтобы сосредоточиться на мужчине слева от меня.

Тренер Ли одарила меня улыбкой, которую я назвала бы безнадежной, принадлежи она кому-то другому. Она продолжала идти к своей цели напролом.

– Нам с Иваном хотелось бы, чтобы ты стала его новой партнершей. – Ее брови приподнялись, а на лице застыла

та странная улыбка, которой я не верила. – Если тебе это интересно.

Нам с Иваном хотелось бы, чтобы ты стала его новой партнершей.

Если тебе это интересно.

Они – люди, которые выглядели и говорили как тренер Ли и Иван – хотели, чтобы я стала его новой партнершей?

Я.

Это просто дурацкая шутка, да?

За долю секунды я успела подумать, что здесь не обошлось без Карины, но потом решила, что этого *не может быть*. Прошло больше месяца с нашего последнего разговора. И она слишком хорошо знала меня, чтобы попытаться совершить нечто подобное. Тем более когда в это замешан не кто-нибудь, а Луков.

Но это ведь шутка... правда? Иван и я? Я и Иван? Всего месяц назад он спрашивал, закончится ли у меня когда-нибудь пубертатный период. И я ответила, что закончится тогда же, когда у него вырастут яйца.

Все из-за того, что мы попытались выйти на лед в одно и то же время. И она была там. Тренер Ли слышала нас. Я уверена.

– Не понимаю, – смутившись, медленно проговорила я. Я обращалась к ним обоим, слегка обиженная и не уверенная, на кого, черт возьми, нужно смотреть или что, черт побери, делать, потому что во всей ситуации не было никакого

смысла. Ни единой капли смысла.

От моего внимания не ускользнуло, как они обменялись взглядами, которые сложно было разобрать, а затем тренер Ли, со своим вечно уставшим выражением лица, спросила:

– Чего ты не понимаешь?

Они могли бы обратиться к тысяче других девушек, большинство из которых моложе меня, что очень важно для этого вида спорта. Было совершенно нелогично *просить меня...* разве что я была лучше любой другой из этих девушек. По крайней мере, в техническом плане, а под техническим планом я подразумеваю прыжки и вращения, две вещи, которые у меня выходили лучше всех. Но порой умения прыгать выше всех и вращаться быстрее всех недостаточно. Для общей оценки не менее важны и многие другие компоненты программы – навыки катания на коньках, переходы, артистичность и чистота исполнения, хореография и интерпретация.

А я никогда не была слишком сильна в этих вещах. Все ругали моего хореографа. Моих тренеров за выбор неудачной музыки. Меня за то, что «не вкладываю душу», и за то, что «недостаточно артистична» и «не обладаю никакой интуицией». Нас с моим бывшим партнером за то, что не составляли «единого целого». Меня – что недостаточно доверяла ему. И, возможно, именно этим в огромной степени объяснялось, почему я не добилась успеха.

Этим и моей одышкой.

Правда.

Проглотив обиду, – по крайней мере сейчас, – я стала рассматривать этих двух знакомых и одновременно чужих мне людей.

– Вы хотите, чтобы я попробовала стать *его*, – я показала большим пальцем в ту сторону, где сидел Иван, чтобы убедиться, что мы говорим об одном и том же, – партнершей? – Я снова моргнула и втянула воздух, чтобы успокоить давление. – Я?

Женщина кивнула. Не колеблясь. Не бросив косого взгляда. Просто четко, резко кивнула.

– Почему? – Это прозвучало, скорее, как обвинение, а не вопрос, но что, черт возьми, мне было делать? Вести себя так, будто не случилось ничего экстраординарного?

Иван фыркнул и поерзал на стуле, вытянув ноги так, что теперь они лежали на ковре. Он дергал коленом.

– Ты хочешь объяснений?

Не посылай его куда подальше. Не посылай его куда подальше. Не делай этого, Джесмин.

Я не послала. И не пошлю.

Не делай этого.

– Да, – сухо сказала я, хотя вышло гораздо любезнее, чем он того заслуживал и обычно слышал от меня, – это все из-за ощущения стесненности в теле. Некоторые вещи кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой. Я никогда об этом не забывала. Не могла. – Почему? – снова спроси-

ла я, не собираясь уступать, пока мы не разберемся в этом дерьме.

Никто из них не произнес ни слова. Или, может, я была слишком нетерпелива, потому что продолжила говорить, не дождавшись ответа.

– Все мы прекрасно знаем, что с этой просьбой вы можете обратиться к фигуристам помоложе, – добавила я, потому что какой был смысл скрывать, что именно так я и думала. Ну, то есть это же полный бред. Розыгрыш. Ночной кошмар. Самая большая подлость, которую люди мне делали... если все это было неправдой.

И что, черт возьми, происходит с моим давлением? Я вдруг почувствовала тошноту. Нашупав пальцами браслет, я сглотнула и посмотрела на двух практически чужих мне людей. Я старалась говорить ровным голосом и контролировать свои эмоции:

– Я хочу знать, почему вы пришли ко мне. Во-первых, есть девушки на пять лет младше, а во-вторых, есть те, у кого больше опыта в парном катании. Вам ведь известно, почему я не смогла найти другого партнера, – выпалила я, не удержавшись и оставив открытым свой вопрос «Почему?», будто приготовила бомбу замедленного действия.

Судя по их молчанию, они обо всем знали. Разве могло быть по-другому? Я давным-давно заработала дерьмовую репутацию и не могла избавиться от нее, несмотря на все усилия. Не моя вина, что люди повторяют обрывки, которые им

хочется слышать, вместо того чтобы узнать всю историю целиком.

С ней сложно работать, – говорил Пол любому, кому было дело до парного катания.

Возможно, все сложилось бы иначе, объясняй я каждый свой поступок, но я этого не делала. И не сожалела. Мне было все равно, что думают другие.

Во всяком случае, до тех пор, пока это не стало оборачиваться против меня.

Но теперь было слишком поздно. Мне не оставалось ничего другого, кроме как признаться в этом. И я призналась.

Я толкнула одного ублюдка – конькобежца, который схватил меня за задницу, – и стала злодейкой.

Я обозвала мамашу одной из своих напарниц по катку шлюхой после ее замечания о том, что моя мама *наверняка мастер минета*, раз уж ее муж на двадцать лет моложе нее, но это я оказалась невоспитанной кретинкой.

Со мной было сложно, потому что мне до всего было дело. Но как, черт побери, я могла забить на все, если каждое утро просыпалась в возбуждении от того, что занимаюсь этим видом спорта?

Мелочи накапливались, накапливались и накапливались до тех пор, пока мой сарказм не стал восприниматься как грубость – как и все, что слетало с моих губ. Мама всегда предупреждала, что некоторые люди охотно верят в самое плохое. Это было прискорбной и досадной правдой.

Но я знала, кто я и что я делаю. Я не могла заставить себя сожалеть об этом. Во всяком случае, в большинстве случаев. Возможно, моя жизнь была бы намного проще, имей я доброту своей сестры или характер мамы, но я не была такой и никогда не стану.

Тебя определяют твои поступки, и либо ты проживаешь жизнь, прогибаясь, чтобы сделать других счастливыми, либо... нет.

А я была чертовски уверена, что у меня есть дела поважнее.

Мне просто хотелось убедиться, то ли это, о чем я думаю, иду ли я на это с открытыми глазами. Я никогда больше не стану закрывать глаза и надеяться на лучшее. Тем более когда в этом участвует человек, который в ту пору, когда я была одиночницей, после каждого соревнования записывал все мои ошибки, допущенные во время исполнения короткой и произвольной программ, – и старался, чтобы я, блин, точно узнала, почему проиграла. Так поступают только херовы мудаки.

– Ты настолько отчаялся? – напрямую спросила я Ивана, встретив взгляд серо-голубых глаз, которые он не отводил от меня. Я выразилась жестоко, но мне было все равно. Я хотела знать правду. – Больше никто не хочет кататься с тобой в паре?

Он все еще не отвел своих ледяных глаз. Его длинное мускулистое тело не дрогнуло. Он даже не скорчил рожу,

как делал обычно, когда я открывала рот и обращалась к нему.

Абсолютно уверенный в себе, в своем таланте, в своем месте в этом мире, в том, что за ним сила, Иван просто встретил мой взгляд, оценивая в ответ. А потом открыл рот и снова показал истинного себя.

– Ну ты-то должна знать, каково это?

Вот же с...

– Ваня, – чуть ли не выкрикнула тренер Ли, качая головой, как мать, ругающая ребенка, который не умеет держать язык за зубами. – Прости, Джесмин...

При нормальных обстоятельствах я бы проговорила одними губами: *Я надеру твою долбаную задницу*, но сейчас я сдержалась. Еле-еле. Вместо этого я, пристально посмотрев в это ясное лицо с идеальными чертами... представила, что обвиваю его шею руками и сжимаю изо всех сил. Я даже никому не смогла бы сказать о том, какой выдержки мне это стоило, потому что мне никто бы не поверил.

Возможно, я повзрослела.

Потом я во второй раз надолго уставилась на него, думая, что *при первой же возможности плюну ему в розжу*, и решила, что со взрослением я преувеличила. К счастью, я осмелилась сказать только:

– *Я и правда знаю, каково это, козлина.*

Тренер Ли проворчала себе под нос что-то неразборчивое, но, не услышав от нее просьбы не разговаривать так с Ива-

ном, я продолжила:

– На самом деле, Сатана, – у него затрепетали ноздри, что не укрылось от моего взгляда, – я просто хочу знать: ты обращаешься ко мне потому, что никто другой не желает связываться с тобой – а это полная бессмыслица, поэтому не держи меня за дуру, – или есть какие-то другие скрытые мотивы, которых я не понимаю? – Словно это подлейшая первоапрельская шутка с его стороны. У меня наконец-то появится шанс убить его, если это окажется так.

Тренер Ли снова вздохнула, что заставило меня перевести взгляд на нее. Она покачивала головой и, честно говоря, выглядела так, будто ей хотелось рвать волосы на голове; раньше я никогда не видела у нее такого выражения лица и поэтому занервничала. Наверное, до нее наконец доходило: мы с Иваном – лед и пламень. Мы несовместимы. Даже когда дело не доходило до разговора, мы испепеляли друг друга взглядами и обменивались неприличными жестами. Не один раз, когда я ужинала в доме его родителей, мы вели себя именно таким образом.

Но через секунду после того, как тошнота у меня в желудке почти достигла предела, плечи тренера Ли поникли. Бросив взгляд на потолок, она кивнула, как будто скорее самой себе, чем соглашаясь со мной, и наконец сказала:

– Хочу верить, что это не выйдет за пределы этой комнаты.

Иван издал какой-то звук, который тренер проигнори-

ровала, но я была слишком занята размышлениями о том, что она не попросила меня больше не называть Ивана Сатаной и козлиной.

Очнувшись, я сосредоточилась.

– Мне некому сказать, – сказала я, и это было правдой. Я умею хранить секреты. Я очень хорошо умею хранить секреты.

Опустив подбородок, женщина остановила на мне взгляд и затем продолжила.

– Мы...

Идиот в кресле издал еще один звук, после чего выпрямился и перебил ее:

– Больше никого нет.

Я захлопала глазами.

Он продолжил:

– Это всего на год...

Подожди-ка.

На год?

Сукин сын, я знала, что это слишком заманчиво, чтобы быть правдой. Я *знала* это.

– Минди... пропускает сезон, – объяснил черноволосый мужчина, его голос звучал напряженно и чуть обиженно, когда он произносил имя той самой партнерши, с которой катался последние три сезона. – На это время мне нужна партнерша.

Разумеется. *Разумеется*. Вскинув подбородок, я подняла

глаза к потолку и покачала головой, ощущая, как разочарование наносит мне удар прямо под дых, напоминая о том, что оно всегда было рядом и просто ожидало подходящего момента, чтобы заявить о себе.

Потому что оно не исчезло.

Я не могла вспомнить, когда в последний раз не испытывала разочарования в чем-либо, главным образом в самой себе.

Проклятье. Я должна была догадаться. Разве кто-нибудь обратился бы ко мне? С просьбой стать его постоянной партнершей? Конечно, нет.

Боже, я такая неудачница. Даже если я только рассматривала такую возможность... я была идиоткой. Я это отлично понимала. Мне не выпадает такая удача. Никогда не выпадала.

– Джесмин. – Голос тренера Ли звучал спокойно, но я не смотрела на нее. – Это было бы для тебя прекрасной возможностью...

Мне нужно было просто уйти. Какой смысл сидеть здесь и просто тратить время, если я все больше и больше опаздывала на работу. *Глупая, глупая, глупая Джесмин.*

– ...Ты сможешь набраться опыта. Будешь соревноваться с ведущими спортсменами страны и чемпионами мира, – продолжала она, бросая на ветер слова, которые я, в принципе, игнорировала.

Может быть, для меня пришло время закончить с фигур-

ным катанием. Какого еще знака я дожидалась? Господи, я была идиоткой.

Черт возьми, черт возьми, черт возьми.

– *Джесмин*, – очень мягко произнесла тренер Ли, почти, просто *почти* сердечно. – Ты сможешь выиграть чемпионат или хотя бы Кубок...

И это вынудило меня опустить подбородок и посмотреть на нее.

Она вскинула одну бровь, как будто знала, что это могло привлечь мое внимание, и не без основания.

– А потом сможешь найти партнера. Я могла бы помочь. И Иван тоже.

Я проигнорировала слова о том, что Иван мог бы помочь мне найти партнера, потому что очень сомневалась, что такая хрень вообще когда-нибудь произойдет, но – *но* – остального я не пропустила мимо ушей.

Чемпионат. Мать твою, *Кубок*. Любой Кубок.

По правде сказать, я не выигрывала ни одного с тех пор, как была юниоркой и перешла во взрослую категорию, в которой к этому моменту находилась уже много лет.

Кроме того, было еще одно – тренер Ли могла помочь мне найти партнера.

Но главное – *гребаный чемпионат*. Или по меньшей мере возможность участвовать в нем, реальная возможность. *Надежда*.

Как будто незнакомец предлагал маленькому ребенку

конфетку за то, что тот сядет в его машину, и я была этим неразумным маленьким ребенком. Если не считать того, что эта женщина и этот кретин размахивали двумя вещами, которых я желала больше, чем чего-либо. Этого было достаточно для того, чтобы я перестала думать и заткнулась.

– Может, это и выглядит как дерзкая затея, но, если приложить побольше усилий, мы думаем, что все получится, – продолжала женщина, глядя прямо перед собой. – Я не вижу никаких препятствий, если быть до конца честной. За десять лет у Ивана не было ни одного неудачного сезона.

Подождите-ка.

Ко мне вернулось чувство реальности, и я заставила себя осмыслить то, о чем она сейчас говорила и на что намекала.

Предполагалось, что мы выиграем чемпионат, до которого оставалось меньше года?

Если отбросить ее слова о том, что у Ивана ни разу не было ни одного неудачного сезона, в то время как у меня их было очень много, кажется, я должна была смириться со всем этим ради него.

Она сказала, что надеется, что раньше чем через год мы победим на чемпионате.

Черт. Большинство новых пар пропускают один сезон, чтобы научиться кататься друг с другом, отработать технические элементы – все, начиная с прыжков до поддержек и выбросов, – до тех пор, пока не станут делать их синхронно... и даже потом, спустя год, остаются шероховато-

сти. Парное катание предполагает единение, доверие, командный дух, предвосхищение и синхронность. Предполагает, что два человека становятся почти одним целым, но сохраняют при этом свою индивидуальность.

А для того, о чем они просили, оставалось всего несколько месяцев – чтобы хорошо подготовиться, – прежде чем нам пришлось бы выучить и усвоить хореографию. *Несколько месяцев* для того, что обычно занимает год или больше.

Проклятье, это почти невозможно. Вот что им было нужно.

– Ты же хочешь принять участие в чемпионате? – задал вопрос Иван так, словно ударил меня прямо в грудь.

Я окинула его взглядом: спортивные брюки, толстый свитер, идеально зачесанные назад волосы, длинные на макушке и выгоревшие по бокам. Своими отточенными чертами лица он был обязан генетическому отбору в нескольких поколениях, и благодаря им выглядел как типичный наследник трастового фонда, которым, по сути, и являлся. Я проглотила вставший в горле комок размером с грейпфрут... да еще утыканный гвоздями.

Хочу ли я того, ради чего пожертвовала большей частью своей жизни?

Хочу ли я воспользоваться счастливой возможностью и продолжать кататься? Надеяться на будущее? Стать наконец гордостью своей семьи?

Конечно, хочу. Я так сильно этого хочу, что у меня вспо-

тели ладони, которые пришлось спрятать за спиной, чтобы никто не увидел, как я вытираю их о рабочие брюки. Им не нужно было знать, как сильно я нуждалась в этом.

Но твою мать.

Один год ради того, чего я желала больше всего на свете. Ради чемпионата. Ради чего моя мама стала почти банкротом, ради того, о чем всегда мечтала моя семья. Чего я всегда ждала от себя, но при этом постоянно терпела неудачу.

И ради этого целый год кататься в паре с придурком, который тем не менее предоставит мне лучший шанс из тех, что были, и поможет добиться того, во что я уже перестала верить.

Но...

Реальность и факты.

Не было никакой уверенности в том, что мы победим. Даже если мы и займем какое-то место – любое – не факт, что я получу партнера. Не было никаких гарантий, что все получится. Мне повезло, что за свою карьеру я нечасто получала травмы, но такое случалось, и порой эти травмы заставляли закончить сезон раньше срока.

Вдобавок я могла лишь попытаться представить себе все те усилия, которые нужно будет приложить, чтобы быть готовой. Планы, которые препятствовали бы выполнению других планов, от которых я не могла отступить, потому что дала обещания. А я серьезно относилась к выполнению своих обещаний.

– Мы хотим, чтобы переходный период прошел легко. Минди предпочитает не распространяться о своей личной жизни. Иван тоже, – сказала она, как будто я не знала. У Карины не было даже аккаунта в Пикчеграме, а в Фейсбуке⁵ она зарегистрировалась под вымышленным именем.

– Мы сконцентрируемся на спорте, – неторопливо объяснила тренер Ли, осторожно поглядывая на меня, пока я стояла, пытаюсь все осмыслить, и выходило не очень. – Твоя кандидатура, Джесмин, будет выглядеть убедительно, так как вы с Иваном много лет тренировались в одном и том же комплексе. К тому же ты – друг семьи. В этом бизнесе тебя знают в лицо, и ты талантлива. У тебя за плечами есть опыт, позволяющий соревноваться на таком уровне, не начиная с азов, чего, с учетом ограниченного времени, мы не можем себе позволить. Мы должны работать с тем, что привнесешь ты. – Помолчав, она посмотрела на Ивана и выложила последний козырь: – Ваша разница в возрасте тоже пойдет на пользу. Я твердо уверена, что ты будешь хорошей партнершей для Ивана.

Ах.

Разница в возрасте. Мне двадцать шесть, а Ивану почти тридцать. Она намекала на то, о чем я не подумала. Было бы странно видеть этого великовозрастного болвана в паре с де-

⁵ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

вочкой-подростком. Наверное, это даже навредило бы ему больше, чем помогло.

Потом еще замечание о работе с тем, что я могу привнести в наше партнерство... Но об этом я подумала позже. Намного позже. Не тогда, когда, стоя там, в центре внимания, чувствовала, будто вся моя жизнь рушится, как только мне ее вернули.

Придется немало потрудиться. Мне никто ничего не обещал. У меня есть своя жизнь за пределами этого мира, которую я не спеша строила, несмотря на то что не горела желанием это делать. Жизнь, которую я все еще выстраивала и не могла пренебрегать ею.

Таковы факты.

Но...

Мне нужно было подумать. Слов не вернешь, или как там говорят, да? У меня уже были проблемы из-за того, что я открывала рот раньше, чем думала.

Сделав глубокий вдох носом, я спросила первое, что пришло на ум:

– Ваши спонсоры не будут возражать? – Потому что сейчас тренер с Иваном могли попытаться и наобещать мне чего угодно, но, если спонсоры скажут «нет», все будет напрасно. Не то чтобы на протяжении всей карьеры у меня была куча спонсоров, и не то чтобы все платья для меня по-прежнему шила сестра. Я все еще бесплатно получала коньки, но знала, как обстоят дела у победителей, фигуристов, которых обо-

жает публика. И не то чтобы Иван нуждался в финансовой помощи, но это все равно было реальностью и необходимостью.

Спонсоры и АФКС (Американская федерация конькобежного спорта) могли бы воспротивиться нашему союзу, а я не собиралась допускать, чтобы они дали мне эту возможность, а потом отобрали ее.

Тренер Ли отреагировала практически мгновенно, пожав плечами:

– Это не станет проблемой. Люди могут и должны выпутываться и из худших ситуаций, Джесмин.

Почему после этого замечания я почувствовала себя наркоманкой?

Она продолжила говорить, прежде чем я успела обдумать сказанное.

– Ты сможешь напомнить о себе. С этим не будет проблем. Если мы примем правильные решения, все получится отлично. Нам только нужно, чтобы ты... согласилась на необходимые изменения.

Последняя фраза зацепила меня. Тренер Ли допускала, что со мной что-то не так, но я как будто бы не знала об этом. Однако одно дело, когда я признавала, что у меня есть проблемы, но другое дело – что это признавала она.

– Что за изменения? – спросила я, обдумывая каждое слово и переводя взгляд с нее на Ивана будто в поисках подсказки. Потому что если бы они сказали, что мне нужно сме-

нить имидж или начать целовать малышей... либо превратиться в притворщицу, которая типа сделана изо льда и готова, чтобы ее причислили к лику святых... то этого не случилось бы. Никогда. Я пыталась быть Снежной королевой, когда была очень маленькой, и отлично знала, что это такое. Чопорность, пристойность, ангельский лик и любезность. Я продержалась примерно полчаса. Теперь я была слишком взрослой для того, чтобы притворяться идеальной маленькой Снежной королевой, которая не ругается и ест всякую дрянь на завтрак, и все ради того, чтобы нравиться публике.

Тренер Ли склонила голову набок:

– Ничего серьезного. Можем поговорить об этом позже.

Позже?

– Давайте поговорим об этом сейчас. – Потому что я не собиралась ни о чем думать, пока не узнаю, во что ввязываюсь.

Наморщив нос, женщина продолжила:

– Не знаю. Просто предложу несколько вариантов...

– Хорошо.

На секунду ее глаза скользнули в сторону, а затем остановились на мне.

– Хорошо. – Она пожала плечами так, словно ей было неловко. – Может, будешь почаще улыбаться?

Я моргнула, глядя на нее, и мне показалось, что Иван ухмыльнулся, но это не точно.

– Вы могли бы пару раз сфотографироваться вместе на по-

казательных выступлениях. Тебе нужно быть активнее в социальных сетях – даже если бы ты время от времени постила что-то о своей обычной жизни, уже было бы совсем другое дело.

Она хотела, чтобы мы делали все это ради одного года в паре? Господи, она что, издевается?

А потом до меня дошло.

Когда я наконец переварила ее просьбу относительно соцсетей, от тошнотворного ощущения по загривку побежали мурашки. Раньше у меня было много аккаунтов, но в конечном счете я их все удалила, когда стала мучиться бессонницей. *Нужно сказать ей об этом*, – подумала я, и как раз в этот момент внутренний голос сказал мне, что из ведения соцсетей ничего хорошего не выйдет.

Наверное, следовало бы признаться тренеру еще и в том, что мне потребуется... дополнительная помощь. Но я не могла. Если это означало, что я упущу эту возможность, – нет.

Это мой шанс. Более того, наверное, мой последний шанс.

Можно же вести соцсети осторожно. Да? Отслеживать то, что я выкладываю. Быть осмотрительнее. Быть умнее на тот случай, если все возобновится. Особенно если эта возможность станет реальной и действительно моей.

Я могла бы записывать наши тренировки, а потом повторять их самостоятельно. Я уже так делала. Мама и братья с сестрами помогли бы мне, попроси я их. Я могла бы больше

концентрироваться и прокатывать все элементы с Иваном, как только мы дойдем до хореографии. Я могла бы все продумать. Я могла бы воплотить это в реальность, не ставя их в известность о своих планах.

Все это возможно... не так ли? Я сильная, умная и не боюсь работы.

Только провала.

Поэтому я держала свой мерзкий рот на замке.

– Мы не просим тебя измениться кардинально, Джесмин. Клянусь, об этом и речи не идет. Мне просто нужно знать, что ты готова постараться для команды. Всем нам предстоит полно работы, но это выполнимо.

Я бы сделала все, что угодно, ради победы. Даже завела бы новый аккаунт в социальной сети, если потребуется. Я бы лгала, жульничала и хитрила... до известной степени.

Ну, то есть я бы, конечно, не стала надирать задницу сопернику, или принимать стероиды, или делать минет Ивану, но на все остальное я, наверное, дала бы согласие, будь этот шанс реальным. Судя по выражению лица тренера Ли и почти болезненному выражению лица Ивана... видимо, таким он и являлся.

Иван был самым успешным фигуристом в парном катании, и за последние двадцать лет получил огромное количество наград. Я же в последний сезон даже не смогла дойти до финала Гран-при, а национальные соревнования прошли и вовсе ужасно. Мы с моим бывшим получили пятое и ше-

стое место в обоих турнирах.

Это была лучшая из возможностей, на которые я когда-либо могла надеяться после того, как осталась без партнера.

– Тебе интересно? – спросила тренер Ли.

Выражение ее лица, как и голос, было спокойным и уравновешенным, и мне хотелось, чтобы это было именно так.

Интересно ли мне? Еще бы.

Меня всего лишь волновали детали.

Любой парник знает, что должен полностью доверять своему партнеру. Фигуристка, катающаяся в паре – *особенно* фигуристка, – каждый божий день практически отдает свою жизнь в руки партнеру. Мне не нужно было напоминать об этом тренеру Ли или Ивану. Доверие – основа любого партнерства. Либо это вера в то, что кто-то, может, и ненавидит тебя, но достаточно сильно хочет победить и не станет рисковать удачей, либо это искренняя, чистая вера в то, что ты доверишься тому, кто этого заслуживает, и можешь надеяться лишь на то, что это взаимно.

Но мне хотелось победить. Мне *этого* хотелось. Мне всегда этого хотелось. Ради этого я истекала кровью, ради этого плакала, ломала кости, получала сотрясения мозга, растягивала почти каждую мышцу своего тела, никогда не имела друзей, никогда не училась в колледже, никогда никого не любила, пренебрегала своей семьей, все ради *этого*. Ради любви, которая была больше всего самого дорогого

на свете. Ради спорта, внушившего мне уверенность в том, что после каждого падения я могу подняться на ноги.

Год назад... полгода назад... то, что сейчас происходило, могло бы означать, что мои молитвы услышаны.

Я смотрела в пустоту между ними, мучаясь от возбуждения, которое пробудила во мне эта возможность, хотя и подразумевающая работу с реинкарнацией Люцифера, – мне так сильно хотелось победы, что я не желала этого учитывать. Но, как говорила моя мама, когда мы были детьми и не хотели есть то, что она приготовила на ужин, не до жиру, быть бы живу, – и все равно, все *равно* я не могла подавить в себе тревожное ощущение, твердящее о том, что это какой-то долбаный заговор. В этом не было бы ничего странного. Некоторых людей не волнует, что или кого они калечат ради достижения своей цели.

Я бы не выдержала, если бы меня использовали. Еще раз. Я не сказала бы этого, но я отдала бы им всю себя, дай они мне такой шанс. *Всю*.

Но...

У меня были обязательства. Компромиссы и обещания, которые я не желала нарушать. Как бы мне не хотелось сказать «да»... Да! Да! Нужно было подумать. Не все зависело от меня, и мне понадобилось много, много времени для того, чтобы смириться с этой мыслью.

Хотя и не до конца.

– Если это какой-то розыгрыш или вы хотите использо-

вать меня, чтобы потом утвердить другую фигуристку, — я не собиралась заводиться. Я не верила, что эти двое честны, и неважно, что они убеждали меня в обратном, — то даже не думайте. — Иван, наверное, уже знал, что я убью его в случае чего. Черт, да его родная сестра убьет, если он так со мной поступит.

В комнате повисла тишина, и я не понимала, что она означает. Чувство вины? Или признание в том, что это полная фигня, о которой даже не следовало заводить разговор?

— Нет, — сказала тренер Ли спустя минуту, такую напряженную, что в комнате осталось тяжелое ощущение, от которого я не могла избавиться. — Это не так. Мы хотим, чтобы к нам присоединилась ты, Джесмин.

Если у меня и защемило сердце после ее слов, я не стала на этом заикливаться.

Я посмотрела на мужчину, тихо, чертовски тихо, и настоятельно сидящего за столом... и подумала, что заставило его партнершу сделать перерыв на год. Может, она выходит замуж. Может, кто-то заболел. А может, она не смогла выдержать этого кретина, и ей потребовалась передышка. Я пожалела о том, что у меня нет ее номера, а то бы я написала ей эсэмэс, чтобы уточнить. Она всегда была милой.

— Сделай уже фотку, раз так пялишься, — сухо сказал Иван, откидываясь на спинку кресла.

Закатив глаза, я окинула взглядом тренера Ли в надежде на то, что она удержит меня от очередной колкости, сказан-

ной в лицо этому придурку, пока я все не испортила. Оставлю это на потом.

По счастливой случайности тренер Ли тоже закатила глаза, словно не была удивлена его тупым замечанием, и сфокусировалась на мне. Напряжение на ее лице говорило о том, что она старается оставаться профессионалом и сохранять сдержанность.

– Ты не обязана давать нам ответ прямо сейчас. У тебя есть время подумать, но рано или поздно мы должны будем узнать. Время идет, и если вы оба в следующем сезоне собираетесь участвовать в соревнованиях, для подготовки нам нужно использовать каждую минуту.

* * *

– Что тебя мучает? – спросил мой брат Джонатан спустя всего минут пять после того, как я села рядом, держа в руках тарелку курицы с пармезаном, приготовленной мамой. Такой едой год назад я могла побаловать себя лишь раз в неделю. Все мои брюки – и бюстгалтеры, и трусики – свидетельствовали о том, что происходило. Моя долбаная грудь стала размером с целую чашку, хотя это не имело большого значения. Мама прокляла всех своих дочек, передав им в наследство сиськи не больше комариного укуса, а самым – буквально – большим нашим достоянием, переданным вместе с ее генами, была задница. Одним из немногих преимуществ

сниженной нагрузки во время тренировок стали моя чуть подросшая грудь и еще чуть более подросшая задница. То, что я стала тренироваться не по шесть или семь часов в день, а по два, имело огромное значение.

А теперь... ну, теперь мне, возможно, придется начать все сначала.

Возможно.

Прошло почти двенадцать часов после встречи, а я так и не приняла решения.

Если бы, и это было важное *если бы*, я согласилась на предложение тренера Ли и Ивана, то мне пришлось бы распрощаться с «Эм-энд-Эмс», которые я лопала три раза в неделю. Впрочем, это была бы небольшая жертва. *Если бы я согласилась.*

Но я смотрела вперед. А вдруг я смирюсь с мыслью, что дала согласие тренеру Ли, и потом решу, что не хочу снова рисковать всем ради всего лишь *возможности*. Мне нужно было рассмотреть и взвесить все варианты. Я не могла перестать думать об этом. Ни на работе, ни потом, во время второй тренировки, и ни на занятии пилатесом, которое я по-прежнему посещала раз в неделю.

Въехав на подъездную дорожку, я не удивилась при виде знакомой машины, припарковавшейся на улице полчасика назад. Родственники заходили к нам, когда им заблагорассудится, и это не ограничивалось только выходными или праздниками. Если у тебя два старших брата и две стар-

шие сестры, всегда найдется кому зайти. Мои братья и сестры от случая к случаю заезжали к нам поужинать, несмотря на то что все они переехали много лет тому назад, оставив меня одну с соседями... то есть с мамой и ее мужем.

Когда я вошла, мама, мой брат Джонатан и Джеймс находились в комнате.

Первым, что каждый из них сказал мне, было: «Иди в душ!»

Я показала брату средний палец и прикусила язык, медленно поднимаясь по лестнице и направляясь в свою комнату. Мне не потребовалось много времени, чтобы собрать вещи, принять душ и одеться – при этом из головы не выходил утренний разговор, который предшествовал самому бестолковому рабочему дню из всех, что были у меня с тех пор, как я узнала, что партнер меня бросает.

Спустившись по лестнице, я нашла всю свою семью на кухне: они раскладывали по тарелкам приготовленный мамой ужин. Я поцеловала каждого из них в щеку, в ответ брат облизывал и выбесил меня, Джеймс чмокнул, а мама хлопнула по заднице. Только после этого я начала есть.

Стараясь изо всех сил отогнать мучившие меня мысли о Сатане и его тренере, я положила на тарелку порцию лапши и курицы с пармезаном, а потом села на табурет за столом в центре кухни, за которым все мы ели. Столовая использовалась исключительно по праздникам. Я съела примерно три куска и медленно пережевывала их, когда брат задал мне во-

прос, который следовало бы предвидеть. Я вела себя слишком тихо, а такое случалось нечасто.

Прежде чем я успела подумать о том, что же, черт побери, сказать им, мама нарушила тишину. Она обошла стол, держа в одной руке тарелку, а в другой – такой полный бокал вина, что в него, кажется, влезло полбутылки.

– Боже, мам. Надо было просто взять бутылку вместо того, чтобы пачкать бокал. – Я хихикнула, когда она поставила бокал на стол – осторожнее, чем, вероятно, укладывала меня в постель в младенческом возрасте.

Закатив глаза, она поставила рядом с бокалом тарелку.

– Отстань. У меня был длинный день, а это полезно для сердца.

Я фыркнула и вскинула брови. У меня наконец появилась возможность рассмотреть, что на ней надето: обтягивающие джинсы, которые, я почти уверена, были моими, и ярко-красная блузка, которую, если я не ошибаюсь, носила моя сестра до того, как переехала отсюда.

– *И все-таки*, Ворчун, что с тобой? Неприятности в КЛ? – спросила мама, садясь за стол и не замечая взглядов, которые я бросала на нее из-за того, что она вырядилась в мои штаны.

В середине дня она прислала мне сообщение с вопросом, как прошла встреча. Я не ответила. Я даже не дала себе возможности подумать о том, хочу ли рассказать им о сделанном мне предложении. Не то чтобы я постоянно лгала. Нет. Но... что, если из этого ничего не получится? Что, если

я растревожу их понапрасну? За многие годы я принесла им достаточно разочарований.

Да, эта мысль была словно осколок стекла, застрявший в дыхательном горле.

Переводя взгляд с женщины, к которой за неделю подкапывали чаще, чем ко мне за всю жизнь, я снова сосредоточилась на тарелке, накручивая лапшу на вилку. Я пожала плечами и спокойно ответила «Ничего», мгновенно осознав, что этими словами только все испортила.

Сидящие за столом усмехнулись, каждый на свой манер. Не было нужды смотреть на них, чтобы понять, что они переглядываются и думают, что я, наверное, по уши в дерьме – а так оно и было, – но в конце концов мой брат фыркнул:

– Блин, Джес, да ты даже не *постаралась*.

Я скорчила рожу, глядя в тарелку, и посмотрела на него. Потом поднесла средний палец как можно ближе к Джонатану, подняла его к лицу и притворилась, что тру внутренний уголок глаза.

Единственный член моей семьи со смуглой кожей, черными волосами и темными глазами, который отчасти был похож на меня, высунул язык. Человеку тридцать три года, а он показывает мне язык. Что за сучонок!

– Мы, может, и поверили бы тебе, если бы ты не сказала «ничего». Теперь мы знаем, что ты врешь, – поддержала его мама. – *Ты не разговариваешь с нами, когда тебя что-то тревожит?* – Она чуть было не фыркнула, снова обра-

тив внимание на курицу, которую разрезала на куски. — Ха! И с каких это пор?

Именно поэтому все эти годы они были моими лучшими друзьями. Если не считать Карины, с которой в последние несколько лет я разговаривала все реже и реже, и еще парочки других, — семья и была моими друзьями. Мама говорила, что у меня серьезные проблемы с доверием к людям, но, честно говоря, чем чаще я встречалась с людьми, тем сильнее росло мое желание больше не встречаться с ними.

— Ты в порядке, Джес? — с беспокойством в голосе спросил Джеймс, оказывавший лучшее за последние плюс-минус десять лет влияние на моего брата.

Снова вонзив вилку в лапшу, я посмотрела на самого красивого мужчину из всех, которых видела за свою жизнь, и кивнула. С черными волосами, яснейшими карими глазами и кожей цвета темного меда, никому не дававшей ключа к разгадке тайны его происхождения, он мог встречаться с кем угодно. С кем угодно. Буквально. Если бы он решил стать моделью, то затмил бы абсолютно всех манекенщиков в мире. Даже моя сестра говорила, что вышла бы за него замуж, если бы он сделал ей предложение. *Я* вышла бы за него замуж, даже если бы он не сделал мне предложения. Он был добрейшим мужчиной, красавцем, успешным и трезво мыслящим. Мы все любили его.

Люди любят говорить, что любовь слепа, но невозможно, чтобы любовь была *настолько* слепа. Как он оказал-

ся в лапах самого большого идиота из нашей семьи, я не понимала... У моего брата были огромные ослиные уши и щель между двумя передними зубами, которую мама всю его жизнь называла очаровательной, но он так и не потрудился установить брекетy. Хотя у меня был слегка неправильный прикус, и я три года ходила с брекетами.

Но это все неважно.

– Со мной все нормально. Не слушай их, – сказала я Джеймсу довольно рассеянно и попыталась сменить тему разговора, выбрав самую очевидную – мужа моей мамы, который должен был бы сидеть с нами за столом... но не сидел. – Мама, а где Бен?

– Он встречается с друзьями, – быстро объяснила подарившая мне жизнь рыжеволосая женщина, прежде чем поднять глаза и нацелиться на меня вилкой. – Не увиливай. Что с тобой происходит?

Разумеется, это не сработало.

Я еле сдержала стон, засовывая кусок курицы в рот, и, неторопливо прожевав его, ответила:

– Все прекрасно. Просто я... кое о чем думаю, и это портит мне настроение.

Брат, сидевший рядом со мной, хихикнул:

– У тебя? Плохое настроение?

– *Нет.*

Я склонилась к нему и ущипнула за дряблую мышцу, которую он называл бицепсом.

– Ой-й! – вскрикнул он, отдергивая руку и потирая ее.

Я попыталась повторить, но он замахнулся на меня локтем, не давая возможности ущипнуть его еще раз.

– Мама! Посмотри на нее! – заныл мой брат, жестом показывая так, словно я нападаю на него. – Джеймс, помоги мне!

– Ябеда, – прошептала я, пытаюсь ущипнуть его. – Дряннь. Джеймс рассмеялся, но сохранил нейтралитет. Неудивительно, что он так мне нравился.

– Прекрати обижать брата, – сказала мама, вероятно, в тысячный раз за всю мою жизнь.

Когда он опустил руки, прикрывая талию, я протянула руку и очень-очень быстро шлепнула его по шее. Он открыл рот и попытался укусить меня.

– Маменькин сынок, – прошептала я, отдергивая руку.

Ухмыляющийся Джонатан наклонил голову в одну, потом в другую сторону, насмехаясь надо мной, как делал обычно, когда мама принимала его сторону. Она всегда принимала его сторону. Этот подлиза был ее любимчиком, несмотря на то что она никогда не признавалась в этом. Но все мы знали, что это так. Я любила обоих своих братьев, но понимала, почему мама любит его больше, чем остальных своих детей. Если не обращать внимания на сходство Джонатана с диснеевским псом Плуто, то все, видя его, улыбались. Такое воздействие оказывали на людей его огромные глаза.

– Малышка, судя по твоему тону, даже мне понятно, что тебя что-то беспокоит. Что случилось? – спросил

Джеймс, наклоняясь вперед с таким участливым выражением лица, что оно вызвало у меня значительно большее чувство вины, чем все сказанное мамой или Джоджо.

Мне хотелось рассказать им.

Но...

Я вспомнила, – и, вероятно, это воспоминание никогда не сотрется из моей памяти, – как брат плакал от ярости, когда мы впервые узнали, что я осталась без партнера. Мама никогда не призналась бы, что она тогда была опустошена, но я слишком хорошо знала ее, чтобы не замечать опасных симптомов. Те же самые симптомы я замечала после каждого ее провального брака, не учитывая нынешний, когда она понимала, что жизнь изменилась навсегда и невозможно повернуть все вспять.

Сразу после того, как я прекратила тренировки для участия в соревнованиях – потому что невозможно точно исполнять многие парные элементы, катаясь в одиночку, а я полностью осознавала, насколько слаба моя надежда добиться успеха в одиночном женском фигурном катании, – я большей частью стала оставлять свои чувства при себе. Возможно, правильнее было бы употребить термин «депрессия», но я не хотела думать об этом. Мне было не впервой, я была абсолютной неудачницей.

Ни для кого не секрет, какой несчастной я ощущала себя, видя, как моя мечта ускользает... как зла, и обижена, и расстроена я была. Как зла, и обижена, и расстроена я до

сих пор. Честно говоря, отчасти мне казалось, что я никогда не справлюсь с этим. Я, как дворняжка, затаила обиду. Но вся семья преодолевала этот путь вместе со мной, когда на один успех приходилось пять проигрышей, год за годом, снова и снова.

Самое главное, что все они были здесь, со мной, пока я лениво пыталась построить новую жизнь за пределами катка. Они заставляли меня делать всякую ерунду, например ужинать вместе, в то время как мне хотелось лишь одного – отсидеться в своей комнате; они развлекали меня, уговаривая пойти с ними куда-нибудь, они помогали мне забыть о чувстве вины за то, что я делаю что-то непривычное. Они делали это снова и снова до тех пор, пока я не начала чувствовать, что привыкаю. Но настал момент, когда я сказала маме, что ей больше не нужно платить астрономические суммы за тренировки, потому что у меня больше нет тренера. Он тоже меня бросил.

Это одна из причин, объяснявшая мою грусть и смятение, но я не хотела, чтобы они почувствовали то же самое. Никогда больше. До тех пор, пока я в силах предотвратить это.

И я по-прежнему не знала, что делать.

Эгоистичная сторона моего «я» желала новой жизни. Еще бы.

Но другая сторона моего «я», та крохотная частичка, которая не хотела быть эгоистичной мерзавкой, не хотела огорчать этих людей, превращать меня в ту, которой я бы-

ла прежде. Ту, которой никогда не было рядом. Ту, которой, как все думали, на все наплевать... вероятно, потому, что я была недостаточно внимательна к ним.

Была еще одна целая сторона моего «я», не уверенная в том, что я справлюсь, если все пойдет не так... настолько, что я чувствовала себя тряпкой.

И все дело было в Иване.

Иван. Фу. Мне так сильно хотелось этого, что я не подумала сразу же отказаться от возможности проводить все свои дни с ним, а не с кем-то другим. Вот до чего я докатилась. До возможности проводить время с этим заносчивым недоумком.

Черт побери, я действительно представления не имела, что делать.

Поэтому в тот момент... я соврала.

– Кажется, месячные скоро начнутся.

– Ахх, – произнес в ответ Джонатан, потому что тот факт, что у девушек бывают месячные, давно не был для него новостью. Первые восемнадцать лет своей жизни он делил ванную комнату с тремя сестрами.

Мама, сидящая по другую руку от меня, искоса смотрела на меня пару слишком долгих минут. Таких долгих, что я подумала, будто она собирается уличить меня во лжи, но, как только я предположила это, она пожала плечами, а потом сбросила очередную бомбу:

– Так это правда, что Луков расходится со своей партнер-

шей?

Я моргнула, не понимая, почему так удивилась.

Она всегда все обо всех знала. Каким-то образом, как-то.

Первым громко присвистнул Джеймс. Это имя о чем-то ему говорило. Я помнила, как много лет тому назад Джеймс не имел ни малейшего понятия о фигурном катании. Но теперь он достаточно долго был членом нашей семьи, чтобы разбираться в этом виде спорта больше, и я могла бы в этом поклясться.

– Он избавился от своей партнерши? – оживился Джонатан, поправляя очки на носу так, словно это была лучшая сплетня, услышанная им за последнее время.

Мама, вскинув брови, кивнула:

– Насколько я знаю, несколько дней назад.

Я постаралась засунуть в рот большой кусок курицы, чтобы по моему лицу нельзя было прочесть: *случилось совсем не это*.

К счастью, мой любопытный тупица-брат зевнул.

– Они же всего пару лет назад начали кататься вместе? – спросил Джоджо, обращая свой вопрос к маме, потому что она была в курсе всех сплетен.

– Угу. Партнерша, которая была до нее, дважды падала на финале Гран-при. Они завоевали бронзу, а с этой девушкой он стал победителем национального чемпионата и чемпионата мира.

Гран-при. Чемпионат мира. Национальное первенство.

Три самых престижных соревнования по фигурному катанию. Только Иван мог облажаться и все равно что-то выиграть. Эти мысли должны были вселить в меня уверенность, что я делаю правильный выбор, принимая его предложение, но я лишь озлобилась на саму себя за то, что облажалась и так и не заняла никаких мест.

– Карина ничего тебе не рассказывала? – Мама переключила свое внимание на меня.

Стараясь тщательно пережевать курицу, я покачала головой и проговорила с набитым ртом:

– Она еще в Мехико. – Они знали, что она в колледже.

– Напиши ей и узнай, – посоветовала мне мама.

Я нахмурилась.

– Сама напиши.

Мама ухмыльнулась, словно говоря: *ну, давай же*.

– Так и сделаю.

– Я всегда забываю, что Карина – его сестра, – заметил Джеймс, наклоняясь через стол. – Он вблизи так же привлекателен? Когда видишь его вживую.

Я хихикнула:

– Нет.

Джоджо усмехнулся:

– Ага. – Но его тон взбесил меня. Я посмотрела в его сторону и увидела, что он облокотился на плечо Джеймса. Этот идиот притворялся, будто пытается говорить шепотом, но, глядя прямо на меня, добавил: – Джесмин всегда с ним

флиртовала. Видел бы ты.

подавившись курицей, я не смогла проглотить ее и закашлялась.

– Что за бред?!

После его «ха!» я тут же показала ему средний палец.

– Даже не прикидывайся. Ты всегда приходила домой и говорила о нем, – заявил мужчина ростом метр шестьдесят восемь, всегда идеально сочетавший в себе качества старшего брата, всегда готового прийти на помощь, и досадной занозы в заднице, не способной вовремя остановиться. – Ты была равнодушна к нему. Мы все знали. – Посмотрев на Джеймса, он вскинул брови. – Мы знали.

Он издевался надо мной? Он, блин, издевался, да? Я флиртовала с Иваном? С *Иваном*?

– Нет, – спокойно сказала я только потому, что, проявив излишнюю агрессию, они бы стали нести всякую чушь. Я знала, как они действуют. – Я не флиртовала с ним. – И специально для того, чтобы Джеймс понял, подчеркнула: – Никогда.

Мама издала звук, который, как правило, означал: «Ну-ну».

Переведя взгляд на нее, я покачала головой:

– Нет. Нет, я не флиртовала. Он хорошо выглядит. – Если бы я сказала, что Иван не в моем вкусе, они бы решили, что я пытаюсь что-то скрыть, а это не так. – Но такого никогда не было. Никогда, ни капельки. Он же придурок. Мы дру-

жим с его сестрой. Вот и все.

– Он не был придурком, – вмешалась мама. – Он всегда очень вежлив. Очень добр к своим поклонникам. Мне кажется, он очень милый мальчик. – Она скользнула по мне взглядом. – И он нравился тебе.

Милый мальчик? Они что, под чем-то?

Да, все любили его, и все превозносили его. Красивый, талантливый Иван Луков, завоевавший весь мир, будучи привлекательным, сверкающим, самоуверенным подростком. Он знал правила игры. Этого у него было не отнять. Но *он никогда не нравился мне*. Никогда.

– Нет, нет, он мне не нравился, – возразила я, качая головой и не веря, что они пытаются убедить меня в этой херне. Неужели они действительно так считают? – Вы придумываете черт знает что. Мы раз в месяц перекидываемся фразой, обычно язвительной и грубой.

– Некоторые могут счесть это за прелюдию, – начал было мой брат, но я его оборвала.

Я опять зарычала, продолжая качать головой:

– Господи, нет...

Джонатан расхохотался.

– Почему ты так покраснела, Джес? – спросил он, шлепая меня ладонью по макушке, отчего я вздрогнула, не успев отдернуть голову.

– Закрой рот, – сказала я Джоджо, обдумывая десяток разных язвительных замечаний и понимая, что не могу восполь-

зоваться ими, потому что получится так, будто я защищаюсь, а потому буду выглядеть виноватой. Или, что еще хуже, я могла бы рассказать им о предложении, которое мне сделали сегодня утром. – Мне он не нравится, ясно? Не знаю, почему вам обоим это вообще пришло в голову.

Мама хихикнула:

– Нет ничего страшного, если ты признаешься, что была в него влюблена. В мире полно девушек, которые влюблены в Ивана. Возможно, даже я была слегка увлечена им в свое время...

Мы с Джоджо, забыв о том, что находимся по разные стороны баррикад, оба поперхнулись.

Мама проворчала:

– Ой, прекратите! Я совсем не это имела в виду!

Разумеется, женщина, вышедшая замуж за мужчину, который был старше меня даже не на десять лет, должна объясниться. Мама была не просто любительницей молодых мужчин, она была Любительницей с большой буквы. Все остальные такие Любительницы восторгались ею.

– Мам, я сделаю вид, что ты этого не говорила, иначе я не усну, – пробормотал Джоджо, глядя на нее с почти болезненным выражением лица, смена которого явно потребовала физических усилий.

Потом он толкнул меня локтем:

– Обычно ты много говорила о нем, Джес.

Я моргнула:

– Мне тогда было лет семнадцать, и все это только потому, что он – козел.

Мама открыла рот, но я продолжила:

– Да, да. Козел. Клянусь, он был таким. Вы просто никогда не слышали, потому что он старался не попадаться, но это так. Карина знает.

– Что он тебе сделал? – спросил Джеймс, единственный, кто, видимо, все еще оставался на моей стороне. По крайней мере, потому, что не опровергал моих утверждений и казался по-настоящему заинтересованным в том, чтобы услышать правду.

Я собиралась выложить им эту правду, потому что меньше всего хотела, чтобы мама и Джонатан продолжали верить в свою чушь. Тем более учитывая, что *может* случиться. Могло бы. Возможно.

Поэтому я рассказала им.

* * *

Все пошло наперекосяк, когда Иван Луков надел самый безобразный костюм, который я когда-либо видела.

Мне было шестнадцать, а Ивану только что исполнилось двадцать. Я помнила об этом потому, что меня всегда удивляло, что он старше меня меньше чем на четыре года, но уже так далеко продвинулся в карьере. Он уже выиграл множество чемпионатов как юниор вместе со своей постоянной

партнершей, а в семнадцать лет перешел во взрослую категорию. К двадцати годам он обогнал уже многих. Я тогда этого не знала, но в следующие десять лет ничего особенно не изменилось.

К тому времени мы с его сестрой дружили уже несколько лет. Я уже больше пяти раз ночевала у нее дома. Она уже больше пяти раз ночевала у меня. Иван был просто членом ее семьи, которого я видела на днях рождения и от случая к случаю у Карины дома, когда он заходил навестить ее. На самом деле до того момента он ничего не говорил лично мне, разве что с неохотой смотрел на меня, чтобы не разочаровать родителей, которые полагали, что у их сына хорошие манеры.

Итак, в тот день, много лет назад, он выехал на лед, когда я разминалась на полу, и я не сумела скрыть своего отвращения и даже не попыталась это сделать. Его костюм напоминал рекламу бананов. Оборки желтые, красные, зеленые, где-то среди них был даже приколот цветок, и эти отвратительные желтые брюки, в которых его ноги выглядели как настоящие бананы на его тогда еще юном теле.

Костюм был ужасен. Совершенно ужасен. На мне было надето трико, сшитое сестрой, и оно было... своего рода экспериментом, но мне не хотелось оскорблять ее чувства, поэтому я, как бы то ни было, надела его.

Но то, что носила я, было ерундой по сравнению с той хреню, которая была надета на нем в тот день.

Иван начал выступление с партнершей, какой-то девушкой, с которой до этого момента катался несколько лет, но вскоре после этого случая они расстались. Бетани как-то там еще. Впрочем, что бы ни было надето на ней, в любом случае было несравнимо с его уродским нарядом. Я видела их программу урывками, если была не занята на прогонах, и, конечно же, слышала музыку. Но до этого момента я не видела костюмов. Это было все равно что смотреть, как кто-то танцует брейк-данс под Моцарта. Бред. И в моем представлении тот кошмарный костюм, который был на нем надет, отвлекал внимание от исполняемого им и его партнершей фрагмента, уж точно не похожего на мамбо.

Грех за то, что я открыла в тот день рот, я возложила на это. Я думала, что он оказывает медвежью услугу своей программе. То есть мне казалось, что я делаю ему одолжение своим замечанием.

Я точно знаю, что не думала о том, что делаю, до того, как подошла к нему. Иван покидал лед после тренировки, защелкивая чехлы на лезвиях коньков под своими черными ботинками. И первым, что я сказала мальчику-мужчине, который до этого ни разу со мной не заговорил, было:

– Тебе правда нужно сменить костюм.

Он даже не моргнул, повернув голову и посмотрев на меня. А затем произнес одно-единственное вежливое слово, которое вечно адресовал и будет адресовать мне:

– Извини?

Может, стоило обвинить маму или даже своих братьев и сестер за то, что недостаточно давили на меня, чтобы я по-малкивала и оставляла свое мнение при себе. Потому что из всех слов, которые я могла бы употребить, чтобы смягчить свое высказывание, я не выбрала ни одного.

– Это уродство, – вот что слетело с моих губ.

Не *«Это отвлекает внимание от твоей фигуры и мешает высоко прыгать»*. Не *«Это пестровато»*.

Я не сказала ничего для того, чтобы мое замечание прозвучало не так по-идиотски.

Потом, чтобы он понял, что это не *просто* ужасно, я добавила:

– Страшное уродство.

И после этого все изменилось.

Двадцатилетний юноша моргнул, глядя на меня, словно видел впервые, что *было не так*, а потом отпрянул. Затем низким-низким голосом, исходящим из глубин его мальчишески-мужского тела, он прошипел:

– Ты бы лучше о своем наряде переживала.

Я помню первое, что пришло мне в голову: вот же сука.

Но, прежде чем я успела произнести хоть слово, его черные брови, совсем не похожие на светло-коричневые брови сестры, приподнялись на гладком лбу, напоминая мне о взглядах других девчонок... Они смотрели на меня так, будто я была ниже их, потому что не носила роскошные вещи и не каталась на коньках новых брендов. Моя мама не мог-

ла позволить себе этого и по возможности не просила денег у отца... но я всегда думала, что она просто боялась, что он не даст ей денег, ведь они нужны именно для фигурного катания, а не потому, что он жадный. В то время я каталась бы в нижнем белье, лишь бы мне давали время на льду. С тех пор, как мама объяснила мне, что это максимум ее возможностей, я не переживала о роскошных вещах.

Но дело в том, что никто никогда не ставил меня в неловкое положение из-за этого. Во всяком случае, никто не говорил мне этого в лицо. Хотя у меня за спиной происходило совсем другое. Невозможно скрыть выражение лица или движение глаз. Невозможно заткнуть уши и не слышать, как перешептываются люди, которые считают, что их никто не слышит. В то время другие девушки не любили меня, потому что я была их соперницей и иногда проявляла характер – когда ситуация складывалась не так, как мне хотелось.

Я отпрянула точно так же, как он, думая о сестре, которая сшила мне этот костюм – однотонное трико красивого голубого оттенка, отделанное по вырезу и рукавам горным хрусталем, – и взбесилась. И я произнесла единственное, что пришло мне на ум:

– Я просто сказала тебе правду. Это выглядит по-идиотски.

Его щеки, обычно почти персикового оттенка, потемнели. Он не покраснел, не было даже намека на это, но для него, как я теперь думаю, это было практически то же самое.

Иван Луков наклонился ко мне и прошипел то, что преследовало меня следующую пару лет.

– Будь осторожна, коротышка. – А потом направился в раздевалку или черт знает куда еще.

Две недели спустя он выиграл свой первый национальный чемпионат США по парному фигурному катанию в костюме для мамбо. О его наряде говорили много гадостей, но каким бы безвкусным он ни был, это не затмило его талант. Он заслуживал победы. Даже если у тех, кто смотрел на него, из глаз шла кровь.

Через неделю после случившегося, в первый день после его возвращения в КЛ, когда я не находила себе места от того, что натворила, а от Карины не было никакого толка, – она не подсказала мне, как решить эту проблему, потому что считала мой поступок смешным, – Иван, сделав над собой усилие, подошел, чтобы поговорить со мной. Хотя под разговором я на самом деле подразумеваю следующее:

– Не думаешь уйти? Ты слишком старая, чтобы чего-то добиться.

Я широко открыла рот, опешив от того, что он сказал. Я и слова не успела ответить, как Иван откатился прочь.

Весь день я думала о его словах, потому что их прямота одновременно больно ранила и бесила меня. Тогда мне было трудно не сравнивать себя с девушками, катавшими с трехлетнего возраста и продвинувшимися дальше, чем я, несмотря на то что Галина говорила, что я одарена

от природы и что если бы я достаточно усердно работала, то в один прекрасный день обошла бы всех их.

Но я никому не рассказала о словах Ивана. Никто больше не должен был знать об этом.

Я молчала еще целый месяц. Это продолжалось до тех пор, пока этот придурок нарочно не подошел ко мне после тренировки и не бросил в лицо:

– Это трико было рассчитано на размер меньше или?.. – У него не было ни малейших оснований для этой гадости.

В тот раз я успела ответить лишь:

– Ну ты и говнюк, – прежде чем он исчез.

Остальное уже история.

* * *

Когда я закончила пересказывать самое важное, брат, откинув голову назад, фыркнул:

– Ты просто истеричка.

Если бы у меня на тарелке осталось что-нибудь, кроме лапши, я бы запустила этим в него.

– Что?

– Истеричка, – заявила третья истеричка в нашей семье после мамы и старшей сестры. – Ты говорила, что он устроил тебе суший ад, но я что-то не увидел никакого ада. Он просто подкалывал тебя, – пояснил Джоджо, качая головой. – Мы за час можем выбесить тебя сильнее.

Я моргнула, потому что брат был прав. Но ведь это совсем другое дело, потому что они – моя семья. Подтрунивания друг над другом – почти обязательный ритуал.

Брат моей подруги, человек, с которым мы вместе катались... не должен был оскорблять меня.

– Да, Ворчун. Это звучит не так уж страшно, – подала голос мама.

Проклятые предатели.

– Однажды он сказал, что я должна похудеть, пока подомной не подломились коньки!

Что сделала троица, сидевшая вокруг кухонного стола? Они рассмеялись. Расхохотались до упаду.

– Ты тогда правда была толстой, – закудаhtал мой чертов братец с покрасневшимся лицом.

Я снова потянулась к нему в попытке ущипнуть, но он резко отклонился, практически упав на колени Джеймсу.

– Почему мне никогда не приходило в голову сказать тебе об этом? – продолжал Джонатан, чуть ли не плача от смеха. Его тело тряслось, и он повис на Джеймсе, отодвинувшись от меня еще дальше. Я достаточно часто видела, как он делает это, чтобы распознать сигналы.

– Я вам всем не верю, – сказала я, не зная, почему, черт побери, им всегда удастся удивить меня. – Однажды перед соревнованием он пожелал мне сломать ногу⁶. Буквально.

⁶ В английском языке идиома break a leg, т. е. «сломай ногу», означает пожелание успеха, аналог «ни пуха ни пера».

То, что я рассказала о его очередной грубой выходке, отнюдь не помогло убедить семью в том, что Иван – придурок. Они лишь рассмеялись еще громче. Даже Джеймс, который был добрее всех остальных, оставил поле битвы. Я не могла этому поверить... но, видимо, придется.

– Он долгие годы звал меня Фрикаделькой, – сказала я, ощущая, как начинают дрожать ресницы при упоминании этого идиотского прозвища. Оно сводило меня с ума независимо от того, как часто я говорила себе, что должна быть выше этого. Палки и камни могут поломать кости, но я не позволяла людям ранить меня словами.

Обычно.

Однако все они давились от смеха. Все трое.

– Джесмин, милая, – прокаркал Джеймс, прикрывая глаза ладонью. – Я просто хочу знать, что ты ему отвечала.

Я подумала о том, чтобы держать рот на замке и не проносить ни слова, но если кто-то во всем мире и знал меня, так это были эти люди – мои братья и сестры. Господи, как, черт возьми, я буду работать с Иваном после того, что случилось десять лет назад? Его собственный тренер приказала ему не открывать рта, чтобы он не поддался искушению сказать какую-то гадость, из-за которой я могу отказаться.

Наверное, через неделю мы бы с ним подрались. Даже если бы продержались так долго. Честно говоря, это всего лишь вопрос времени. Мы готовились к этому много лет.

Мне нужно было многое обдумать.

– Всякое. – Я больше не сказала ничего и постаралась не думать о том дерьме, что говорила Ивану в ответ.

– Что за всякое? – спросил Джеймс. Его смуглое лицо покраснело, и он ущипнул себя за кончик носа.

Искося посмотрев на него, я одарила его легкой улыбкой, оставшейся незамеченной, и повторила:

– Всякое.

Джеймс засмеялся и с трудом сумел взять себя в руки.

– Отлично. Я пока не буду настаивать. Но вы же перестали обзывать друг друга?

Я моргнула.

– Нет. Сегодня я назвала его Сатаной.

– Джесмин! – прошипела мама, после чего упала на пустой стул рядом в припадке смеха.

Я так широко улыбнулась, что у меня заболели щеки... ровно до того момента, пока я не вспомнила, что скрываю от них.

Хотела ли я просыпаться раньше восхода солнца, чтобы тренироваться по шесть-семь часов в день с тем самым мужчиной, который спросил, не проходила ли я кастинг на роль дурнушки Бетти? С намерением победить в чемпионате?

Я не была уверена.

Глава четвертая

Неудивительно, что в ту ночь я хреново спала.

Можно было грешить на выпитый после ужина кофе – обычно я не пью кофеин после обеда и позже, потому что это выводит меня из строя, а мне нужна вся энергия, чтобы жить эту жизнь, – но дело было не в кофе.

Дело было в маме. И в тренере Ли. Но главным образом в маме.

А чего еще ожидать, если она пристала ко мне с расспросами (которые обычно я предвидела)? Но разве я была когда-нибудь способна обвести маму вокруг пальца и почему надеялась, что смогу сделать это теперь?

Она села рядом со мной на диване после того, как брат с Джеймсом ушли, и обвила рукой плечи так, что я, разумеется, поняла: мне от нее ничего не скрыть. В нашей семье мы были довольно нежны друг с другом... если синяки, подколы и розыгрыши можно назвать нежностью... но мы были не из тех, кто все время целуется и обнимается, если только по необходимости. В последний раз, когда я случайно обняла старшего брата, он спросил, не собираюсь ли я сесть в тюрьму или умереть.

Поэтому в тот вечер, когда мама обняла и притянула меня к себе, сжав мою коленку, я призналась, что совершила ту же ошибку, которую совершают многие ее собеседники, –

я недооценила ее. Мои братья и сестры знали меня очень хорошо, их партнеры тоже – меня не так уж сложно было понять, – но никто не знал меня лучше мамы. Руби, моя сестра, тоже видела меня насквозь, но ей все еще было далеко до нее. Сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь сравнится с мамой.

– Расскажи мне, что происходит, Ворчун, – попросила она, употребив прозвище, которое дала мне, когда мне было четыре года. – Ты сегодня вечером была такой тихой.

– Мама, я проболтала половину ужина, – сказала я, не отрывая глаз от *«Неразгаданных тайн»*⁷, которые повторяли по телику, и покачала головой. Я не решалась посмотреть ей в глаза, чтобы не выдать свою дилемму.

Она прислонила голову к моей и поставила обычный бокал с красным вином на кофейный столик, после чего почти повисла на мне, словно в надежде, что я удержу ее.

– Да, со своим братом и Джеймсом. Мы едва перекинулись парой слов. Ты даже не рассказала мне про встречу. Думаешь, я не вижу, когда с тобой что-то не так? – обиженным голосом проговорила она, словно обвиняя меня.

Она меня раскусила.

Мама снова сжала мое плечо.

– То, что я ничего не сказала в присутствии Джоджо и Джеймса, не означает, что я ничего не заметила. – Она еще сильнее сжала мое плечо и прошептала, как самый настоя-

⁷ «Неразгаданные тайны» – американский сериал (1987).

щий стремный тип: – Я все знаю.

Я все же фыркнула и посмотрела на нее краешком глаза. Могу поклясться, что за последние пятнадцать лет она не постарела ни на день. Как будто время для нее остановилось. Сохранило ее. Либо она давным-давно затащила в постель джинна, который исполнил ее желание, и теперь она станет бессмертной, либо что-то типа того.

Вытянув ноги, я закинула их на кофейный столик и наморщила нос:

– Ладно, служба психологической помощи.

Она прижалась ко мне сбоку – как делала всегда, когда хотела меня побесить, – а я совсем чуть-чуть отклонилась, чтобы не злить ее.

– Скажи мне, что с тобой происходит? – настойчиво повторила мама прямо мне в ухо. Ее голос звучал обманчиво мягко – и охренительно фальшиво. Я почувствовала дыхание, от которого исходил запах вина. – Я угощу тебя вишней в молочном шоколаде, припрятанной после Дня святого Валентина...

Даже вишня в молочном шоколаде не заставит меня открыть рот. Я еще больше отклонилась от мамы, но она придвинулась ближе и буквально прилипла ко мне, закинув свое бедро на мое.

– Боже мой, дамочка, может, вас прямо сейчас подсоединить к винной капельнице? Ценители по одному твоему дыханию определяют, в какой год было разлито это вино.

Не обращая внимания, мама обняла меня еще крепче.

– Чем скорее ты расскажешь мне, тем скорее я оставлю тебя в покое, – попыталась подкупить меня она.

Не в силах удержаться, я фыркнула. Как будто от нее было так легко отделаться.

– Ты сама хоть веришь своим словам?

Она запыхтела и отодвинулась всего на пару сантиметров.

– Давай сделаем передышку и поболтаем. Все равно наступит момент, когда ты расскажешь мне, – заявила она, и это было правдой.

Но...

Просто я пережила столько провалов... мне часто казалось, что год назад я достигла своего предела.

Мама была тем человеком, которого мне хотелось защищать больше всех. Пока я росла, она платила за все самостоятельно, так как мой отец думал, что это пустая трата денег, и постоянно спрашивал: «*Разве для Джесмин не найдется других занятий?*» – мама обычно включала громкую связь, и моя любопытная задница всегда подслушивала. Когда он навещал нас, мама говорила, что мы не нуждаемся в его поддержке или не хотим ее... даже если это означало, что она постоянно опаздывала с оплатой счетов. Оглядываясь назад, я не понимала, как она умудрялась выкручиваться, как сумела не оставить нас без крыши над головой, оплачивала счета и кормила.

Я не уверена, что сама смогла бы повернуть такое. Но ма-

ма сделала для меня все. А я отплатила ей лишь тем, что пару раз «выиграла» второе место.

После перехода во взрослую категорию я не победила ни разу, и никто на самом деле не понимал, почему так происходит. Никто, кроме меня.

Мама заслуживала лучшего, и мне захотелось вернуть ей долг.

– Джесмиииии, – игриво подвывала мама мне в ухо, прижимаясь все сильнее и не обращая внимания на то, что мне это не нравилось. – Просто расскажи мне. Я знаю, ты этого хочешь. Я никому не скажу. *Обещаю.*

– Нет, – презрительно усмехнулась я, и мама поняла, что со мной такое не пройдет. – И ты – врушка.

– Это я врушка? – имела наглость спросить моя мать, словно искренне верила своему обещанию не проговориться. Я была болтуньей, но от кого же я это унаследовала? От нее.

– Ну не я же обещаю не выдать мой секрет, – настаивала я, кося на нее глазом и пытаюсь потянуть время, чтобы обдумать будущие слова и не бросаться с головой в омут.

Стоило ли говорить маме? Она уже догадалась, что я что-то скрываю.

Я поняла, что мама у меня на крючке, когда она шумно вздохнула, признавая, что она такая, какая есть – ужасная, жуткая врушка.

– Хорошо, я скажу только... одному человеку. Договори-

лись?

– Кому?

Она замолчала. Было слишком много людей, которым она обычно все выбалтывала. *Ей нужно было выбрать*. Господи.

– Бену.

Ее мужу, Номеру четыре. Краешком глаза я могла видеть только ее рыжие волосы, и я понимала, что лучше ситуация уже не станет. Мама не отступит. Тем более теперь, когда я дала ей понять, что знаю о ее намерениях.

Я вздохнула. Сейчас или никогда?

– Только не радуйся...

– *О боже*, – практически выдохнула она, и я поняла, что уже слишком поздно.

Я закатила глаза и полностью развернулась, чтобы видеть ее лицо.

– Нет, мама. Нет. Пока не радуйся. Я даже не собиралась ничего говорить...

– *Расскажи*, – прошептала она хриплым голосом, как будто одержимый бесами ребенок из фильма ужасов.

Я моргнула.

– Если пообещаешь никогда больше не говорить таким голосом.

Мама застонала и снова превратилась в свой любимый образ паукообразной обезьяны, душащей меня в объятиях.

– Хорошо. Я обещаю. Рассказывай.

– Я... – Замолчав, я скользнула по ней взглядом, стараясь

подбирать слова так, чтобы как можно спокойнее объяснить ей произошедшее. – Ладно. *Но не радуйся.*

– Я уже сказала, что не буду, – проговорила мама и сама себе не поверила.

– У меня была встреча...

– Я помню. Ты говорила. По поводу чего?

Я вздохнула и бросила на нее взгляд, – заметь мама его, она бы шлепнула меня, но она этого не увидела, и я была благодарна. Непонятно, почему я думала, что смогу скрыть это. Можно было на пальцах одной руки пересчитать мои секреты, о которых мама до сих пор не знала.

– Помнишь тренера Ли?

Она не шевельнулась.

– Да.

– Тренер Ли спросила, не хочу ли я в следующем сезоне стать партнершей Ивана.

Молчание.

Мама ничего не сказала. Ни единого слова. Возможно, это был первый раз, когда она промолчала.

Я качнула плечом, на котором лежала ее голова, осознавая, что она по-прежнему не шевелится и ничего не говорит.

– Я думала, что у меня есть еще несколько лет, пока ты доживешь до того возраста, когда люди засыпают на ходу.

– Надо было оставить тебя в пожарном депо, – бросила мама в ответ, не упустив из сказанного мной ни слова. При этом ее голова не сдвинулась с моего плеча.

Больше она не сказала ничего.

Что, черт возьми, происходит?

– Почему ты молчишь? – Я склонила голову набок, чтобы видеть ее макушку. Я была невысокой, всего метр шестьдесят ростом, но мама была даже ниже, чем метр пятьдесят, – при этом я была почти уверена, что она преувеличивает.

– Я думаю, – ответила она, явно растерянная.

Господи помилуй.

– О чем?

Она по-прежнему сидела неподвижно.

– О твоих словах, Ворчун. Ты огорошила меня, я была не готова. Я думала, ты наконец скажешь, что согласилась на должность тренера в КЛ.

Я скривила лицо, хотя мама не могла видеть меня. Как она узнала о должности тренера? И почему раньше ничего не говорила?

Словно почувствовав мое смятение, мама повернулась под таким углом, чтобы видеть мое лицо. Мы были почти полной противоположностью друг друга, если не считать одинакового овала лица. Мы обе были невысокими и кудрявыми. Но у мамы были длинные рыжие волосы со слишком ярким оранжевым оттенком, чтобы выглядеть натуральными, и бледная кожа; она была гибкой, красивой, властной и при этом приятной, умной и привлекательной... а я не обладала ни одним из этих качеств. Я не была уродкой, но с мамой и сестрами сходств было мало. А все остальное... что ж,

ко мне это тоже не относилось, если не считать, что я тоже иногда любила командовать.

Дело было в том, что она и не разволновалась, и не очень обрадовалась этой новости. Полчаса назад я могла бы поспорить, что она отреагирует как угодно, только не так.

Но она не отреагировала. И я не понимала почему.

– Ну? – выдавила я из себя.

Синие глаза, напоминавшие мне о сапфире из «Титаника»⁸, прищурились, и мама скривила рот.

Я сузила глаза и посмотрела на нее, тоже скривив рот.

– Что? Скажи что-нибудь.

Она искоса посмотрела на меня.

– Я думала, ты обрадуешься. В чем дело? – спросила я, и тут же в мою голову неожиданно закралась такая мысль, что я чуть было не задохнулась. Неужели она...

Я не могла выговорить этого. Не могла думать об этом. Не желала думать об этом.

Но мне пришлось.

Не обращая внимания на это ужасное, неприятное ощущение в животе, я моргнула еще раз, успокаивая себя в ожидании маминого ответа – я не могла этого выдержать, я не выдержала бы, – а затем спокойным голосом, которым можно гордиться, задала вопрос. Руки стали липкими.

– Ты думаешь, я на это больше не способна?

Иногда я сожалела о том, что мы с мамой так беспощад-

⁸ Речь идет о колье из фильма «Титаник».

но честны друг с другом. В общении с моей старшей сестрой, Мелочью, мама всегда подбирала слова, остальным братьям и сестрам она высказывала такие вещи в более приятной форме, но меня она никогда не щадила. Во всяком случае, насколько я помню.

Если бы она сказала «да»...

Мама так резко дернула головой, что боль, поселившаяся в моей груди при мысли, что я действительно больше ни на что не способна, моментально утихла.

– Не нарывайся на комплименты. Они тебя недостойны. – Мама закатила глаза. – На все ты способна. Лучше тебя нет никого, не притворяйся, будто не понимаешь. Тьфу.

Я неосознанно затаила дыхание.

– *На самом деле я думаю*, – с нажимом произнесла она, все еще кося на меня одним глазом, – что это не очень хорошая идея.

Хмм...

Теперь пришла моя очередь скосить на нее глаза.

– Почему?

В ответ мама окинула меня взглядом.

– Ты сказала, что тебя попросили стать его партнершей в следующем сезоне... что это значит?

– Это значит, только на один сезон.

Ее нестареющее лицо сморщилось от смущения.

– Почему только на один?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Они просто сказали, что Минди пропустит один сезон. – Минди всегда была со мной довольно любезна. Надеюсь, с ней все в порядке.

Выражение лица моей мамы изменилось.

– А что будет потом?

Разумеется, она спросила. Едва сдерживая вздох, я выбрала самую многообещающую часть из того, что принесло бы мне партнерство с Иваном.

– Они могут помочь мне найти другого партнера.

Мама молчала так упорно и, черт побери, так странно, что я не смогла удержаться и пристально посмотрела на нее, пытаюсь представить, о чем она думает.

К счастью, она не заставила меня долго ждать.

– Ты говорила об этом с Кариной?

– Нет. Мы не разговаривали целый месяц. – И было бы странно, если бы я позвонила ей с расспросами о брате. Что за чушь? Мы никогда не говорили об Иване. Вдобавок мы теперь общались не так часто, потому что она поступила в колледж и погрузилась в учебу. Мы по-прежнему любили друг друга и беспокоились друг о друге, но... иногда жизнь разводит людей. Я ничего не могла поделать с тем, что стала меньше волноваться о ком-то. Просто так случилось. И не ее вина, что я теперь не так занята, как раньше. До этого момента я на самом деле не очень-то замечала, что мы отдалились друг от друга.

Мама хмыкнула и скривила рот, словно по-прежнему бы-

ла погружена в глубокие размышления.

Я осторожно посмотрела на нее, игнорируя странное ощущение в животе.

– Думаешь, мне не стоит соглашаться?

Бросив на меня взгляд и склонив голову набок, она на секунду заколебалась.

– Дело не в том, что я так думаю. Я просто хочу быть уверена, что они тобой не воспользуются.

Что?

– В прошлом году мне едва удалось избежать ареста, Ворчун. Не думаю, что смогу сдержаться, если кто-нибудь еще захочет обвести тебя вокруг пальца, – объяснила она, словно это было само собой разумеющимся.

Я моргнула.

– Два часа назад ты его защищала.

Мама закатила глаза.

– Это было до того, как я услышала, что он может стать твоим партнером.

Какое это имело значение?

Теперь моргнула она.

– Я просто хочу знать, почему ты не согласилась сразу же.

Я выдавила из себя всего два слова:

– Потому что.

– Потому что – что?

Я пожала плечами, прижимаясь к маме. Я не хотела говорить, как боялась проиграть и всего, что последует за этим,

поэтому оставила мысли при себе.

— Мам, сейчас я больше работаю у Мэтти. Я планировала два раза в неделю ходить в спортзал с Джоджо, даже если он сачкует на каждой тренировке. Я строила планы с Себастьяном. Раз в две недели мы с Тэйли ходим на скалолазание. Я не хочу просто забивать на них. Не хочу, чтобы они думали, что недостаточно много значат для меня. — Тем более пока они не решили, что я — динамщица, которой наплевать на них, хотя это совсем не так.

Мама наморщила лоб, и по ее лицу промелькнула тень настороженности.

— Дело в этом?

Я снова дернула плечом, в горле образовался ком из правды и лжи, пытавшийся вырваться наружу.

Казалось, мама не до конца поверила мне, но больше не стала комментировать, как делала обычно.

— То есть ты боишься, что тебе не хватит времени?

Я сглотнула.

— Я не хочу отступаться от своего слова. И без того довольно. — Раньше я не понимала, как сильно мне не хватает братьев и сестер, но теперь поняла. Просто легко не думать о том, чего у тебя нет, когда мысли заняты другими вещами.

По маминым губам пробежала грустная улыбка, но она была достаточно умной, чтобы жалеть меня. Тем не менее слова, слетевшие с ее губ, абсолютно не соответствовали тому, что было написано у нее на лице.

– Звучит неубедительно, Ворчун, но ладно. Всему свое время.

Прищурившись, я посмотрела на нее.

– Сообщи Мэтти о своем графике. Раньше ты работала не так много, и он как-то справлялся. Расскажи братьям и сестре. Ты сможешь проводить с ними время, даже если начнешь снова тренироваться, Джесмин. Они всего лишь хотят быть с тобой рядом, и неважно, чем вы занимаетесь.

Внутри у меня все сжалось от разочарования, или, скорее, от чувства вины, которое вызвали ее слова.

– Тебе не нужно проводить с каждым из них по шесть часов в неделю. Даже три не нужно. Им достаточно немного времени. Держу пари, даже не на каждой неделе.

Я сжала зубы, чтобы сдержать дрожь, но не была уверена, что это сработает.

Мама знала, что я думаю и чувствую, но ничем не выдала себя, потому что продолжила:

– У тебя может быть жизнь за пределами фигурного катания. Ты можешь делать все, что хочешь, и ты знаешь это. Просто нужно постараться.

Сколько раз в прошлом она повторяла мне те же самые слова? Сотню? Тысячу?

Я сглотнула, но не подняла глаз.

– О чем ты?

Она снова скользнула по мне взглядом.

– Ты знаешь, о чем я. Ты можешь делать все, что захочешь,

Джесмин. Но я хочу, чтобы ты была счастлива. И чтобы тебя ценили.

У меня защипало в носу, но я не могла не заметить предостережения в ее голосе.

– Так ты думаешь, мне не следует этого делать?

Женщина, ездившая на все до единого соревнования, которые была способна позволить, женщина, которая всегда проверяла, что я хожу на каждый урок, на который должна ходить, которая аплодировала мне даже тогда, когда я была не на высоте, склонила голову набок и приподняла плечо.

– Я думаю, следует, но ты не должна продавать себя так дешево. Ты самая лучшая из всех, к кому он мог обратиться с такой просьбой. Даже если это всего на год. Он не делает тебе одолжения. Это ты делаешь одолжение ему. И если он такой придурок, что захочет каким-то образом причинить тебе боль, – мама улыбнулась, – я буду твоим алиби, на случай происшествия с его роскошной машиной. Я знаю, как она выглядит.

Мне не хотелось улыбаться в ответ на ее предложение, но я ничего не смогла с собой поделать.

Мамино лицо смягчилось, и она дотронулась пальцами до моей щеки.

– Я знаю, что ты скучаешь.

Скучаю? От всплеска эмоций или какой-то такой фигни у меня перехватило горло, и мне просто захотелось плакать. Мне. Захотелось плакать. Как давно мне даже в голову

не приходила эта мысль.

Я не просто скучала. По соревнованиям, по фигурному катанию ради цели. В последний год мне казалось, будто однажды ночью кто-то совершенно неожиданно, без моего согласия оторвал часть моей души. И с тех пор каждую ночь я как будто ждала, что она вернется. Но она не возвращалась.

И все это, видимо, читалось в моих загоревшихся глазах. Даже если голос сорвался, мы с мамой не обратили на это внимания, и я озвучила правду, которую ей не нужно было слышать:

– Очень сильно.

Ее красивое лицо вытянулось, и она, согнув кончики пальцев, обхватила мои щеки ладонями.

– Хочу свою прежнюю счастливую старушку-ворчунью, – заботливо проговорила мама. – Поэтому, если он попытается вести себя как сукин сын... – Мама подняла большой палец и поднесла его к моей шее, проведя по ней воображаемую линию, при этом на ее губах играла такая же слабая, как кофе, которое варит Бен, улыбка.

Я улыбнулась ей и почувствовала, как в уголке глаза появляется крохотная слезинка – к счастью, эта сволочь не скадилась вниз и не опозорила меня. Севшим голосом я практически прохрипела:

– Ты опять смотрела *«Крестного отца»*?

Она вскинула светло-рыжие брови и улыбнулась своей отталкивающей, глупой женской улыбкой, которую обычно де-

монстрировала только бывшим.

– Что я всегда говорю тебе?

– Если есть чем щегольнуть, сделай это?

Она закатила глаза.

– Нет, не это. В нашей семье мы делаем, что должны.

Ты всегда была упорнее, чем все твои братья и сестры вместе взятые, и я не хотела для тебя такой участи, но разве тебя было остановить? Я говорила *«не прыгай на кровати»*, а ты вместо этого оборачивала вокруг шеи простыню и прыгала с крыши. Возможно, иногда ты принимаешь ужасные решения...

Я шмыгнула носом.

– Жестко.

Мама продолжила, потянувшись к моей руке:

– Но после падения ты всегда прыгаешь снова. Ты не умеешь по-другому. Не все в жизни бывает так, как нам хочется, но ни одна из моих девочек, особенно ты, не пасует перед трудностями, – сказала она мне. – И что бы еще ни случилось, ты значишь для меня больше, чем этот спорт. Понимаешь?

И что я могла сказать ей после этого? Ничего. Мы просидели так еще полчаса, пока мама не извинилась и не заявила, что должна лечь спать до полуночи. Она оставила меня размышлять обо всем, о чем мы поговорили, и не только.

Но в одном я не сомневалась – мама воспитала меня не для того, чтобы я пасовала перед трудностями.

И мне нужно было принять охренительно трудное решение.

Поэтому той ночью, лежа в постели, я, вместо того чтобы спать, взвешивала все «за» и «против» предложения, которое мне сделали тренер Ли с Иваном.

Что я отнесла к плюсам: я снова стану участвовать в соревнованиях. Безусловно. Моим партнером станет человек, у которого есть не только реальный шанс победить, но и такое же сильное, как у меня, желание этой победы. Даже если бы у меня не было ни единого шанса остаться в спорте после окончания этого года, это будет самой лучшей возможностью побороться, которая мне когда-либо предоставлялась. И если я получу партнера, когда все это закончится...

При мысли об этом по спине побежали мурашки.

Пытаясь обдумать минусы, я не смогла привести ни одного, кроме того, что, если мы не выиграем, пострадает моя гордость. Что в итоге я останусь без партнера. Останусь ни с чем.

Но, черт побери, а что у меня вообще есть?

Чем я должна гордиться? Падением? Тем, что заняла второе место? Воспоминанием о том, что меня бросили?

Все остальное меня мало тревожило. И даже те усилия, которые пришлось бы приложить, чтобы научиться двигаться, как Иван, выполнять с ним поддержки, выдерживать его скорость. Меня не волновали падения, которые пришлось бы пережить, пока мы не поймем, как выполнять поддерж-

ки и выбросы, в точности соответствующие своему названию – партнер выбрасывает свою партнершу на лед, ожидая, что она, совершив несколько оборотов, приземлится на лед самостоятельно. Я согласна снова следить за своим питанием. Разумеется, я чертовски люблю сыр и шоколад и не люблю ежедневно получать синяки и травмы, но есть кое-что, что я люблю больше. Гораздо больше.

Кроме того, возможно, на этот раз, если я действительно постараюсь, я смогу понять, как сбалансировать свою крохотную личную жизнь с предстоящей огромной работой. Все требует жертв. Если захочу чаще видаться со своей племянницей, нужно будет не идти домой и мастерски перевоплощаться в выброшенного на пляж кита, а уделить час ей.

Я могу справиться с этим.

Когда очень сильно чего-то хочется, всегда можно этого добиться.

Проснувшись до восхода солнца, я оделась и идеально выполнила утренний ритуал. Я не знала, придут ли тренер Ли и Иван так рано на каток, но, если так и случится... я с ними поговорю. Я думала написать Карине имейл, но не потрудилась этого сделать. Не похоже, чтобы она стала отговаривать меня от партнерства с Иваном.

Я позавтракала, приготовила себе второй завтрак и ленч, пробежалась по списку дел, чтобы убедиться, что сделала все необходимое, и собрала одежду на день. Затем села в машину и, устроившись за рулем, подвесила телефон, чтобы по-

слушать один из своих плейлистов – нужно было привести в порядок нервы и успокоиться по дороге на каток. На парковке стояло всего восемь других машин, в том числе сияющая черная «тесла», которая, как мне было известно, принадлежала Ивану, потому что никто больше не смог бы позволить себе такую машину, и золотистый «мерседес», в котором я узнала автомобиль тренера Ли.

Но, войдя внутрь, я не нашла их в кабинете генерального директора. Поэтому я по привычке решила заняться своими обычными делами и нашла спокойное местечко сбоку от катка, подальше от раздевалок. В течение сорока минут непрерывных растяжек, а затем двадцати минут прыжков на твердой поверхности я смотрела на чистый, едва тронутый лед. И я почувствовала, как из моей груди уходит тяжесть – каток всегда оказывал на меня такое действие.

Поищу их позже.

* * *

Я была на льду уже сорок пять минут, когда заметила две тепло одетые фигуры на скамейке.

Определенно наблюдающие за мной.

Наблюдающие, как я повторяю тот единственный фрагмент короткой программы, который помнила с тех пор, как была одиночницей, – наверное, потому что эти две минуты пятьдесят секунд были моими любимыми. Для меня за-

помнить программу – одну из двух стандартных программ, которые ты доводишь до совершенства и потом каждый сезон выступаешь с ними на соревнованиях, – было довольно трудно. Я должна была скорее полагаться на мышцы, чем действительно *думать* о том, что делаю. Иными словами, я должна была снова и снова, снова и снова повторять каждый шаг и каждую дорожку, потому что мозг мог забыть, что следует дальше, а вот мышцы не ошиблись бы. Особенно после многократного повторения.

Мой бывший тренер, Галина, обычно говорила, что программа, которую я исполняю, – феерия прыжков. Один сложный прыжок за другим – я не хотела сдерживать себя. Конечно, я никогда не исполняла ее идеально, но, сделай я это, она была бы фантастической. Я была слишком упряма, чтобы прислушиваться к ее словам, что программа слишком сложна и что я недостаточно стабильна, хотя тогда все это имело значение.

Но, как всегда говорит моя мама, обычно покачивая головой или закатывая глаза, я «не ищу легких путей», потому что когда-то решила появиться на свет ногами вперед. И с тех самых пор все мне давалось с трудом.

Но это мелочь. Проблемы становится труднее решить, если начинаешь делать это без надежды на успех.

Итак, узнав Ивана Лукова по серому свитеру и шевелюре самого чистого черного цвета – которую он наверняка каждый день укладывал по пятнадцать минут, пока каж-

дая прядь не ляжет идеально, — и такую же темноволосую женщину, значительно ниже ростом, сидящую рядом с ним, я продолжила кататься. Я развернулась всем телом, чтобы отъехать назад и сделать тройной лутц⁹ — один из самых сложных прыжков, главным образом потому, что нужно вращать тело против часовой стрелки, в обратную сторону относительно захода на прыжок. Это мой любимый элемент, хотя я и понимаю, что именно он причина моей многолетней боли в спине. Туловище не желает вращаться в направлении, обратном тому, в котором вращается остальное тело. Это неудобно и трудно, тем более когда необходимо выполнить прыжок как можно быстрее.

Я не могла нормально приземлиться несколько дней, но в тот момент, слава богу, *алли-черт-поberi-луйя*, я приземлилась удачно как никогда. В фигурном катании самое важное — это мышечная память, и единственный способ заставить свое тело запомнить — повторить элемент тысячу раз. Не сотню. Тысячу. А после этого нужно добиться, чтобы все выглядело непринужденно, хотя это совсем не так. И этот тройной лутц я отработывала в два раза дольше, чем любой другой прыжок, потому что была настроена сделать его запоминающимся, и я сделала это. В удачный день я могла выполнить приличный тройной аксель¹⁰, а иногда и четверной,

⁹ Лутц — зубцовый прыжок, назван в честь австрийского фигуриста Алоиза Лутца.

¹⁰ Аксель — реберный прыжок, назван в честь норвежского фигуриста Акселя

если пробовала выполнить его на тренировках ради интереса. Но, катаясь одна, я концентрировала всю свою энергию на 3Л, как мы называли тройной лутц. Это был восхитительный прыжок, который у меня невозможно было отнять. Или, как мне казалось, выполнить так же хорошо.

Понимая, что глупо сокращать уже оплаченное время на катке, я все же решила действовать на свое усмотрение и еще раз поговорить с ними. Мне не хотелось опоздать на работу, не сделав этого.

Работа. Черт.

Нужно снова поговорить с давним другом мамы о своем графике. Не то чтобы это было проблемой, но мне не хотелось кидать его после того, как несколько месяцев тому назад я пообещала работать больше часов. Он бы понял и даже очень обрадовался бы, но я все равно чувствовала себя треплом. Кроме того, мне потребуются деньги. Нужно подумать об этом. Больше денег и меньше работы. Это будет не так легко.

С сердцем, еще трепыхающимся после серии прыжков, сделанных во время тренировки до 3Л, я поехала к выходу с катка мимо других фигуристов, которые были на льду, — глядя себе под ноги чаще, чем обычно. Только доехав до проема, я подняла глаза и увидела Галину, склонившуюся над бортиком примерно в метре от меня. Она сосредоточенно сверлила меня взглядом.

Я кивнула ей, опустив подбородок.

Через мгновение она кивнула мне в ответ с таким странным выражением лица, которого, насколько я помнила, мне не доводилось видеть никогда прежде. Она выглядела очень задумчивой. Может быть, даже грустной.

Хм.

Надев чехлы на коньки, я взяла бутылку с водой и спросила саму себя, уверена ли я – правда-правда, уверена ли я – в том, что это то, чего я хочу. Хочу ли я вернуться в этот мир с партнером, который, вероятнее всего, не приемлет ошибок так же, как и я. С партнером, с которым я не могу разговаривать без пререканий. Вернуться в мир, где все обсуждают любую мелочь, касающуюся меня. В мир без всяких гарантий. Мне придется пахать больше, чем когда-либо, чтобы отработать один сезон. Готова ли я к этому?

Черт побери, да.

Мама была права. Нет ничего хуже сожаления. И если бы я не воспользовалась этим шансом – даже если б мне пришлось вытянуть из себя все жилы, – я бы определенно сожалела больше, чем если бы воспользовалась и осталась ни с чем.

К тому же никогда прежде я не была такой маленькой брюзгой, как сейчас. Десять лет назад я даже не раздумывала бы о том, чтобы ухватиться за такую возможность, даже если бы из этого ничего не вышло. Теперь... что же, от ожогов иногда остаются шрамы, я об этом не забывала.

С адреналином в крови и все еще слегка задыхаясь, я прошла к тому сектору на трибунах, где по-прежнему сидели Иван и тренер Ли. Они бестактно смотрели на меня в упор. Последняя возможность убедиться в том, что получают? Возможно.

Когда я приблизилась к ним, у меня не задрожали руки, не подкосились колени, только дыхание было прерывистым и неровным. Внутри все превратилось в комок нервов, что было для меня непривычно и в чем я никогда ни за что не созналась бы.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что мы пришли посмотреть на тебя, – подтверждая мои подозрения, начала разговор тренер Ли, когда я подходила к ним.

Я покачала головой, скользнув взглядом в направлении Ивана, оценивая это холодное, но, что ни говори, самоуверенное лицо, после чего опять быстро взглянула на женщину. Я не могла все испортить, открыв рот и начав ссориться с ним. Во всяком случае, пока не могла.

– Совсем нет, – сказала ей я. Я поняла, почему они так поступили. Я бы сделала то же самое. – Доброе утро.

Уголки ее губ раздвинулись ровно настолько, чтобы напоминать подобие улыбки.

– Доброе утро.

Иван не произнес ни звука.

Хорошо. Возможно, он делал то же самое, что и я, – держал рот на замке, чтобы мы могли справиться с этим

по возможности безболезненно. Это успокоило меня больше, чем хотелось бы, потому что если он не ссорится со мной, то, возможно, хочет стать моим партнером.

Ладно, слово *хочет* здесь неуместно. Скорее, должен. Что-то вроде того.

Я понятия не имела, почему так сложилась ситуация, и, честно говоря, мне это было до лампочки. Все, что меня волновало, это перспектива. Я не хотела сама все испортить.

Встав и оказавшись сантиметра на три ниже меня, тренер Ли скрестила руки на груди и произнесла то, чего я не ожидала:

– Твой тройной лутц великолепен. Высота прыжка, скорость, разгон, техника... Я и забыла, что это был твой коронный номер, пока не увидела. Идеально, Джесмин, правда. Ты должна гордиться. – Улыбка превратилась в ухмылку. – Напомнило мне прыжок Ивана.

Проигнорировав то, что касалось Ивана, я сфокусировалась на всем остальном. Я и сама гордилась своим прыжком. Однако я этого не сказала. Я разложила его по полочкам, чтобы усовершенствоваться. Я смотрела и пересматривала, как выполняют этот прыжок самые лучшие фигуристы, чтобы увидеть, что делает его таким зрелищным, и затем повторить. Я провела много часов, снова и снова просматривая дома отснятый материал, – только так я смогла понять, как усовершенствовать свою технику. В то время мама хотела убить меня за то, что я заставляла ее целыми днями из ра-

за в раз записывать одно и то же. И как только я разобралась, она попыталась приписать все заслуги себе.

– Когда ты выполняла ту последнюю комбинацию? Я не помню ее на соревнованиях, – задумчиво проговорила тренер. – Кажется, Полу лутц не особо удавался...

Именно так. И я сказала тренеру, что она права.

– Это из старой короткой программы, когда я была одиночницей, – объяснила я.

Обе ее брови одновременно поползли вверх, словно говоря «а!».

– Какая досада, – сказала она. – Тебе как-нибудь нужно рассказать мне о том, как ты переключилась с одиночного катания на парное. Мне всегда было любопытно.

И именно благодаря этому замечанию я пожала плечами и мягко, спокойно произнесла:

– Это не самая интересная история, но как-нибудь расскажу.

При словах «как-нибудь» ее глаза расширились.

– Ты уверена?

Была ли я уверена? Была ли я на самом деле уверена?

Глядя на нее, и только на нее, я сказала:

– У меня есть кое-какие вопросы и кое-какие условия.

– Условия? – с манерной медлительностью спросил Иван со скамейки, где сидел, своим ленивым и снобистским тоном, свидетельствовавшим о том, что, по его мнению, я не в том положении, чтобы торговаться.

Он ошибался.

Секунду я смотрела на него, а потом, переведя взгляд на его тренера, сболтнула глупость:

– Ничего страшного. – Я повторила ее же слова, когда она сказала, что я должна не упрямиться и согласиться на перемены.

Тренер Ли скользнула по Ивану взглядом, но я не стала на этом заикливаться, ведь собиралась согласиться.

– Поговорим здесь или мне посмотреть, открыт ли офис?

Не было нужды оглядывать зал, чтобы понять, что нас никто не слышит.

– Можем поговорить здесь и сэкономить время.

Женщина, вскинув брови, кивнула.

Бессознательно поднеся левую руку к правому запястью, я провернула браслет в поисках моральной поддержки. *Я смогу это сделать. Я смогу справиться со всем.*

Я должна попробовать.

Возможно, Иван – потрясающий спортсмен, но я работала не менее упорно, чем он. Может быть, не так долго, потому что не начала кататься, когда мне не было и трех лет, но я сумела овладеть всеми техническими приемами. Он не делал мне одолжения. Речь могла идти о равноправном партнерстве, в противном случае все было напрасно. Я была не готова соглашаться на меньшее.

– Какие у тебя предложения? – наконец спросила тренер Ли.

Я опять покрутила браслет. *Я способна на все, что угодно*, – напомнила я себе, после чего начала:

– Я хочу быть уверена, что вы не станете просить меня изменить имидж или целовать малышей на публике, если я соглашусь стать партнершей Ивана.

Вот.

Я была вполне уверена, что у тренера Ли дернулась щека, но выражение ее лица оставалось таким бесстрастным, что, возможно, мне это померещилось.

– Никаких поцелуев с детьми и никакой смены имиджа. Это не проблема. Что еще?

На самом деле я могла бы полюбить эту женщину за ее прямоту. Поэтому я продолжила:

– Вы не сможете избавиться от меня до конца года.

Краем глаза я заметила, как Иван заерзал на скамейке, но по-прежнему не смотрела на него. Зато я смотрела на женщину, с которой, по существу, вела дела, на нашего посредника. Ее не передернуло от моего требования, но у нее причудливо изогнулась бровь, с чем она не смогла достаточно быстро справиться.

– Почему ты думаешь, что мы расторгли бы наше соглашение до конца года? – неторопливо спросила она.

На этот раз я посмотрела на Ивана и показала на него большим пальцем так, чтобы не было никакой путаницы.

– Потому что я не знаю, как мы с ним поладим.

Он засмеялся и открыл рот, словно собирался возразить,

но я не позволила ему.

— Это просто для подстраховки. Я знаю себя, но знаю и его. — Я говорила об Иване в третьем лице, потому что продолжала диалог с тренером Ли, хотя смотрела на него. — Если что-то случится по моей вине, я буду работать до тех пор, пока не устраню проблему. Я обещаю. Но если это произойдет по его вине...

Иван сменил позу. Если раньше он сидел расслабившись, то теперь подался вперед, расставив колени и опершись на них локтями. Взгляд его бледно-голубых глаз был таким напряженным, что, казалось, он пытался просверлить во мне дырку. Он водил кончиком языка по внутренней поверхности щеки. В прошлом он достаточно часто смотрел на меня с такой гримасой, так что я сразу узнала ее.

Его взгляд испепелял меня.

Хорошо.

Было бы странно, если бы он сделал вид, что все превосходно.

— Если это произойдет по вине Ивана... — на этот раз я взглянула на будущего партнера. — *По твоей вине*, — подчеркнула я, потому что ему нужно было понять, что *он* не идеален и что они с тренером не могут винить меня во всем. — Я верю, что ты очень стараешься не совершать той же ошибки снова. Если что-то пойдет не так, мы оба все исправим. Мы оба пойдем на все ради того, чтобы добиться успеха.

Я по-прежнему смотрела в его направлении и заметила, как все это время он играл желваками. Кажется, назревала ссора.

– Я просто хочу убедиться, что ответственность будет разделена поровну. Либо мы – команда, либо – нет. Я не позволю, чтобы со мной обращались как с девочкой для битья. Речь не может идти только о Шоу Ивана.

– Шоу Ивана? – отозвался он, по-прежнему испепеляя меня взглядом.

Я пожала плечами, чувствуя, что начинаю морщить нос, и хотела презрительно усмехнуться, но в последний момент взяла себя в руки. Я перевела взгляд обратно на тренера Ли.

– А когда год закончится, я хочу, чтобы вы пообещали вдвоем искать мне партнера. Что вы не просто поможете его найти, а действительно найдете. – Сглотнув, я добавила: – Вот чего я хочу. Я сделаю все, о чем вы попросите, но мне нужно, чтобы вы выполнили эти два требования, и я хочу быть уверена, что это не подлежит обсуждению.

На минуту повисла тишина.

И даже не глядя на них, я знала, что оба они смотрят на меня, а не друг на друга.

Иииии. Какого черта они так долго выжидают, чтобы ответить «да»? Я прошу не так уж много.

Правда ведь?

Смотря на них обоих, я задала вопрос, казавшийся самым главным в моей жизни. Я просто хотела покончить с этим

поскорее. Либо мы делаем это, либо нет. Я не умела ждать. Я была нетерпеливой.

– Так мы заключаем сделку?

Снова повисло молчание, и тренер Ли наконец бросила взгляд в сторону Ивана. Прошло, должно быть, секунд тридцать, прежде чем она издала звук изумления. Ее губы скривились набок, а потом вернулись в нормальное положение. Неторопливо переведя на меня взгляд, она моргнула.

И я решила, что *мы не заключаем сделку*.

У меня скрутило желудок.

И впервые за долгое время я подумала, что меня сейчас стошнит, и мне захотелось дать себе пинка под зад.

– Хорошо, – раздался неожиданный ответ со стороны Ивана, совсем не выглядевшего радостным... и все еще смотревшего на меня с настороженностью. Однако без гримасы. Судя по его виду, для него это не судьбоносное решение, в отличие от меня.

Но я не позволила лицу этого маленького сукиного сына отвлечь меня от того, что, черт возьми, только что произошло.

Он согласен.

Он согласился.

Твою мать!

Я снова буду принимать участие в соревнованиях.

Однажды в детстве, на каникулах, я пошла с братом на пляж, и мы решили прыгнуть в воду с утеса. Помню,

я прыгнула с такой высоты, что мама убила бы меня, если бы увидела. Даже брат струсил в последнюю минуту. А я не струсила.

Я не ожидала, как глубоко под водой я окажусь. Мне пришлось долго задерживать дыхание, я все колотила и колотила ногами, чтобы достичь поверхности, и мне казалось, что я никогда не вынырну. Возможно, полсекунды я думала, что утону. Но, вынырнув из воды, я, наверное, на всю жизнь запомнила, что значит первый глоток воздуха. Сделать первый вдох и подумать: *у меня получилось.*

Иногда очень просто принять как должное то, что тебе жизненно необходимо.

Я понимала это лучше, чем когда-либо, переводя взгляд с тренера Ли на Ивана и чувствуя... чувствуя себя так, как и должна была. Как будто я снова вернулась к жизни. Как будто со мной все в порядке.

Но...

Я не учла еще одного момента, пока переживала из-за всего остального. Такого же важного, как первые два. Может быть, даже более.

Это был решающий фактор. Решающий фактор, о котором моя гордость не хотела даже думать, но пришлось. Я пыталась вести себя как взрослая.

– Есть еще кое-что. – Сглотнув, я подавила в себе искушение замолчать. – Сколько будут стоить услуги тренера и хореографа?

Я не собиралась просить маму вкладывать в меня столько же денег, сколько обычно. Кроме того, у меня были весьма смутные представления о том, сколько платил хореографам Иван. Я позвонила одному и обалдела, когда он назвал мне свои расценки.

В душе я уже чувствовала раздражение, ожидая самого худшего. Услуги тренера Ли тоже стоили недешево. Два мои предыдущих тренера были не самыми дорогими, но и не самыми дешевыми, потому что одновременно тренировали других фигуристов, находившихся на разных уровнях своей карьеры.

Поэтому, когда Иван прищурился, глядя на меня, а тренер Ли ничего не сказала, я сразу подумала: *вот дерьмо*.

Я хотела попросить их отсрочить платеж, пока не окончится сезон, тогда я смогла бы продать почку. Черт, да я могла бы надеть парик и ограбить кого-нибудь. У меня не было ни одного родимого пятна, которое выдало бы меня за содеянное преступление.

– Иван оплатит расходы на тренера и хореографа, а ты возьмешь на себя расходы на поездки и свой гардероб, – сказала женщина после затянувшегося молчания.

Мышцы у меня на плечах напряглись, и, направив взгляд на Ивана, я наконец спросила:

– Ты платишь?

Лениво прищулив серо-голубые глаза, он произнес:

– Если хочешь, можешь платить половину.

Я была не настолько горделива.

Поэтому, захлопав глазами, ответила:

– Нет.

Иван выпрямился, и его лицо, некогда красовавшееся на рекламе бальзама для губ, осталось совершенно спокойным.

– Ты уверена? – спросил он, в его словах слышалась досада.

– Уверена.

– Абсолютно?

Скотина. Я прищурилась.

– Абсолютно.

– Я не против разделить расходы, – продолжал он, при этом на его губах заиграла слишком хорошо знакомая мне ребяческая ухмылка.

Я сжала зубы и повторила:

– Нет.

– Потому что мы...

– Ладно, – встряла тренер Ли, покачивая головой. – Думаю, мне нужно будет договориться о сделке с вами обоими.

Услышав это, мы повернули к ней головы.

– Я в порядке, это он, – сказала я в то же время, когда Иван произнес: – Это все из-за нее.

Немолодая женщина покачала головой, давая нам понять, что уже сыта нашим пререканием.

– Вы оба – профессионалы и в целом взрослые люди...

В целом взрослые люди?

Я сдержалась, чтобы не усмехнуться, только потому, что еще недостаточно хорошо знала тренера Ли.

– Нам предстоит много работы, и вы оба это понимаете. Пререкаться, как сейчас, можете по вечерам, после тренировки, если не в силах обойтись без этого. Мы не должны тратить время впустую, – сказала она тем же тоном, которым говорит моя мама, когда мы достаем ее своими выходками.

Я промолчала.

Иван не удержался.

– Я профессионал, – пробурчал он.

Женщина пристально посмотрела на него.

– Мы говорили об этом.

Иван бросил на нее сердитый взгляд, тренер Ли сделала то же самое в ответ.

Можно сказать, что я улыбалась... до тех пор, пока не поняла, о чем они говорят... и о чем не говорят. Что, черт возьми, они обсуждали? Что обычно мы ссоримся и должны оставить это в прошлом, если хотим стать партнерами? В этом был бы смысл. Меня это сильно беспокоило, но я знала, что смогу держать язык за зубами.

По крайней мере, в большинстве случаев.

Женщина, повернув голову, посмотрела на меня:

– Джесмин, с этим будут проблемы?

Я не доверяла самой себе, боясь смотреть на Ивана, поэтому не сводила глаз со своего нового тренера. Господи, было

странно даже допустить такую мысль.

– Оставить на вторую половину дня? Конечно. – Вероятно, это будет труднее, чем усиленные тренировки, но я смогу.

– Иван?

Я не знала, смотрит он на меня или нет, и услышала лишь его ворчание:

– Да.

– Еще вы не должны возражать против конструктивной критики, – продолжала женщина, ставя нас в известность, а не спрашивая.

Не вопрос, мы могли бы выдержать конструктивную критику...

– Со стороны друг друга, – закончила она.

На этот раз я взглянула на Ивана, но он уже смотрел на меня сквозь ресницы, как будто думал то же, что и я. Мы едва могли разговаривать друг с другом. И делали это крайне редко, потому что оба знали, что происходит, когда мы открываем рты.

Но...

Я старалась быть выше этого, и буду выше этого. Я не позволю своему языку все разрушить. И своей гордости. Я сказала, что сделаю все возможное для победы, и я это сделаю.

Даже если придется заключить сделку с таким придурком.

Поэтому я кивнула. А что еще мне оставалось делать? Разрушить то, что в будущем могло бы обеспечить мне желаемое? Возможно, привести к другим великим свершениям?

Я была не настолько тупой.

– Прекрасно, – прозвучал лаконичный ответ единственного сидящего поблизости мужчины.

– Хорошо, я рада, что мы урегулировали эту проблему перед тем, как двигаться дальше.

Я опять посмотрела на Ивана, но он опередил меня. Он уже смотрел на меня...

И мне это не понравилось.

– *Прекрати пялиться*, – беззвучно проговорила я.

– *Нет*, – беззвучно произнес он в ответ.

Тренер Ли вздохнула:

– Замечательно. Бормочите друг другу что угодно, лишь бы я этого не слышала.

Клянусь своей жизнью, Иван цокнул.

Мне хотелось цокнуть его самого.

Потом он открыл рот и заговорил:

– Тебе нужен будет медосмотр.

Что? Это какая-то шутка? Я, блин, в своей лучшей физической форме...

Заткнись, Джесмин. Подумаешь, какое дело. И, может быть, я не совсем в лучшей физической форме, но ни одна из моих травм не должна неожиданно повлиять на состояние моего здоровья.

Я промолчала, опустив подбородок, словно говоря: *хорошо, угу*. Что значил небольшой осмотр, когда у меня снова появился шанс? Ничего, вот так-то.

– Нам необходимо убедиться, что у тебя нет хронических заболеваний, о которых ты не сообщила и которые могут проявиться позже, – неторопливо продолжал Иван, по-прежнему делая вид, что весь этот разговор – и ситуация – дорого ему обходятся.

Из горла уже рвалась колкость, так что мне некуда было деться, тем более после того, как он поднес руку к щеке и потер средним пальцем кончик носа. Козел.

– Я так и думала, что вы хотите узнать именно это. Не весили уровень холестерина, – пробормотала я, заставив себя замолчать, прежде чем скажу что-то более агрессивное.

Теперь, видимо, настал черед Ивана умничать.

– Что касается твоего веса...

Он не договорил.

Тренер Ли закашлялась именно в тот момент, когда я начала поднимать руку, указывая на него. Средним пальцем.

– Отлично, – глухо проговорила она. – Давайте сосредоточимся. Мы только что это обсудили. Мы составим соглашение в письменном виде, которое тебе, Джесмин, нужно будет подписать. Кроме того, тренировки будут проходить шесть дней в неделю, два раза в день. С этим не будет проблем?

Мне понадобилось собрать все силы в кулак, чтобы отвести взгляд от идиота, только что собиравшегося что-то сказать о моем весе. Я ощущала, как трепещут мои ноздри, но, сглотнув, снова сфокусировалась на тренере.

– Нет, не будет. – Ей не стоило говорить, что мы должны

стараться изо всех сил, потому что до начала следующего сезона остается меньше полугода. – В какое время? – спросила я, крутя рукой браслет.

Мне ответил Иван, ерзающий на скамейке:

– Четырехчасовая тренировка в КЛ с четырех часов утра и трехчасовая с часа дня.

Черт.

Для работы у меня осталось бы всего четыре часа, и интервалы были бы очень короткие, но я не могла уволиться. Я не стала бы этого делать. Может, я смогу брать какие-то подработки в выходной день. Что-нибудь придумаю. Каким-то образом.

Я кивнула прежде, чем поняла смысл сказанного.

– Ты сказал в КЛ. Тренировки будут проходить где-то еще?

Тренер Ли даже не попыталась скрыть взгляда, который бросила на Ивана. Взгляда, который взбесил меня. Я ненавижу секреты. Я хотела спросить, что они имеют в виду, но решила подождать. Терпение. Я умею быть терпеливой. Если очень постараюсь.

К счастью, тренер Ли не заставила меня долго ждать.

– Ты понимаешь, что мы обсуждали твои сильные и слабые стороны перед тем, как попросить тебя присоединиться к нашей команде?

– Да. – Нравилось ли мне, что они говорили обо мне? Нет. Но без этого не обойтись, и я не могла винить их. Я бы сде-

лала то же самое, прежде чем решиться на такой безрассудный шаг.

– Ты сильная спортсменка, Джесмин, – заговорила тренер, и я проверила, готова ли моя броня выдержать ее укор. В этом заключается работа тренеров. Они разбирают по винтикам все твои промахи и помогают исправить их. По крайней мере, такова их цель. – Я всегда думала, что ты обладаешь удивительным потенциалом...

«Но» должно было сорваться с ее губ. Я чувствовала это. Всегда есть «но», когда кто-то делает вам комплимент.

Хотя, может, это только со мной так.

Я сохраняла спокойствие, но это было чуть труднее, чем мне хотелось бы.

– Но есть вещи, над которыми тебе нужно поработать, чтобы перейти на следующий уровень. В частности, научиться производить эффект. Я разговаривала с Галиной, и она подтвердила, что твои тренировки включали мало балетной хореографии. Я думаю, тебе это пойдет только на пользу.

Когда, черт возьми, она говорила с Галиной?

– Мы хотим, чтобы ты посетила несколько индивидуальных занятий с хореографом Ивана и отучилась от некоторых дурных привычек.

Дурных привычек?

– ...а также поработала над тем, чтобы усовершенствовать то, что и так делаешь хорошо, но могла бы делать лучше. Кроме того, твои уроки будут проходить одновременно

с Иваном. Это всегда дает возможность для совершенствования. Думаю, тебе это знакомо.

Она сказала это, чтобы мне стало легче от ее слов? Она, по сути, имела в виду, что я совсем не обладаю той грациозностью, которую дает серьезная балетная подготовка? Как будто я не знала, что у Ивана она была. Карина брала уроки фигурного катания только до четырнадцати – именно так мы и познакомились, – но до и после этого она серьезно занималась танцами. Вдобавок в движениях Ивана действительно присутствовали изящество и грациозность, которым учит только хореограф с душой сержанта-инструктора. Он мог позволить себе нанять кого угодно для необходимого обучения.

Мама могла позволить лишь два групповых занятия по часу в неделю, и это все. Я не собиралась извиняться. И я уже сказала, что сделаю что угодно. Поэтому лишь ответила:

– Ладно.

Уголки губ тренера Ли на секунду напряглись, прежде чем выражение ее лица снова стало обычным.

– Хорошо. Я позвоню завтра и узнаю расписание, так что ты сможешь сама выбрать время в соответствии со своим графиком. Иван посещает утренние занятия по понедельникам и субботам, с девяти до одиннадцати. Тебе будет удобно?

Совсем не удобно, но я была обязана сделать так, чтобы у меня все получилось. Кончится тем, что я уволюсь с работы и займусь грабежом. Господи Иисусе.

– Да, нормально. – На секунду почувствовав боль в животе, я мысленно отмахнулась от нее и сосредоточилась на том, что было важно. – Я хожу на занятия по пилатесу раз в неделю, чтобы не терять гибкости. Я планирую и дальше посещать их.

– Хорошо, продолжай, – ответила тренер, медленно кивая головой.

Я попыталась привести свои мысли в порядок.

– Чего вы ждете от этого сезона? – спросила я.

Ответил Иван:

– Мы будем участвовать в соревнованиях в серии Дискавери, в Гран-при, в национальном и мировом первенствах. – Он прищурился. – Остальное можем пропустить.

Сделав про себя вычисления, я сдержалась, чтобы не психануть при мысли о том, что мы должны будем принять участие в семи турнирах. Как минимум. В двух или трех соревнованиях в серии Дискавери. В трех на Гран-при, если дойдем до финала. Потом еще по одному на национальном первенстве и на чемпионате мира.

Деньги. Деньги. Деньги. И много денег.

Но меня это даже не волновало. Тем больше шансов победить.

Или проиграть, шептал противнейший голос в моей голове, пока я не засунула его куда подальше. Мне нужно перестать так думать. Раньше это никогда не приводило ни к чему хорошему. Мне не стоило начинать заранее психовать.

– Хорошо, – выдавила я, снова кивая и ощущая то самое напряжение в груди, которое я так не любила.

Тренер Ли кивнула, низко опустив подбородок.

– Теперь, когда мы со всем разобрались, ты сможешь начать завтра?

Завтра. Черт подери.

Я слишком боялась, что голос прозвучит высоко и фальшиво, выдав то потрясение, которое я переживала, поэтому решила промолчать и снова кивнула. Сегодня мне нужно будет поговорить со своим боссом. *Боже мой.*

– Так это все? Вы не хотите устроить мне просмотр? – спросила я лишь для того, чтобы не потерять уверенность в себе.

– Это все, – подтвердила она. На лице тренера Ли не было даже намек на улыбку, но она выглядела... довольной. Она протянула мне руку, и я пожала ее. – Хорошо. Тогда завтра начнем работать. Сегодня я договорюсь о медосмотре и сообщу, куда ты должна подойти и в какое время.

– Завтра, – согласилась я, выдохнув с ощущением, что тяжесть ушла из моей груди всего за секунду до того, как придавить меня. Ощущая скованность во всем теле, я опустила руку и повернулась туда, где все это время сидел Иван. Он не пошевелился. Он сидел, по-прежнему уперев локти в колени, с небрежно свисавшими между ног ладонями, и по-прежнему внимательно смотрел на меня. Длинная, округлая линия его подбородка не дрогнула, а выражение лица было

таким, какое я видела не один раз.

Мне показалось, что такое лицо будет у него весь следующий год.

Следующий год. Черт.

Я сказала тренеру Ли, что мы сможем оставить все в прошлом или хотя бы терпеть друг друга, и я не намерена отступать или брать свои слова обратно. Я не стану все портить. Я могу быть выше этого... и думать об этом с улыбкой на лице.

Помедлив всего мгновение, я протянула ему руку.

И она повисла в воздухе. На секунду. На две секунды. На три.

Еще три секунды, и я была готова дать ему пощечину.

Иван смотрел на меня в ответ, поднимаясь и выпрямляясь в полный рост, отчего, видимо, испытывал чуть ли не смущение, поскольку был на тридцать сантиметров выше... И впервые за целую вечность он осторожно вложил свою ладонь в мою.

Наши взгляды встретились, и я поняла, о чем он думает, потому что сама думала о том же.

Однажды – только однажды, – много лет тому назад, я больно упала после прыжка. Иван тогда тоже был на катке. Я лежала на льду, прищурившись, глядя на стропила, и пыталась отдышаться, потому что даже мой мозг пострадал после такого сильного удара о лед. Этот придурок по какой-то причине подъехал ко мне. И протянул мне руку, глядя свер-

ху вниз с ухмылкой на лице.

Я не раздумывала. Я видела лишь протянутую мне руку, поэтому попыталась схватиться за нее. Как идиотка.

И вот мои пальцы почти дотянулись до Ивана, но он отдернул свою руку, ухмыльнулся во весь рот и оставил меня там. На льду. Вот так просто.

Сучонок.

Поэтому он мог винить только себя, когда мне потребовалась целая минута, чтобы сомкнуть свои пальцы вокруг его, все время многозначительно глядя на него и ожидая самого худшего. Но ничего не случилось. Его ладонь была прохладной и широкой, а пальцы, как я и ожидала, тонкими. Все эти годы, кружа друг вокруг друга, мы никогда не соприкасались физически, если не считать того Дня благодарения, который я провела в доме его семьи. Мы сидели рядом, и он взял меня за руку во время молитвы. Мы провели целых три минуты, сжимая руки так крепко, как только могли, – во всяком случае, пока Карина не пнула его ногой под столом, видимо заметив, что у меня побелели кончики пальцев.

Если Иван ожидал, что я что-то скажу, ему пришлось бы ждать целую вечность, потому что мне нечего было ему сказать. Ладно, возможно, я просто не доверяла самой себе, боялась сморозить какую-нибудь глупость, прежде чем мы не зашли слишком далеко, чтобы вернуться. Видимо, ему тоже нечего было мне сказать. Меня это устраивало.

В этом преимущество фигурного катания. Занятие им

не требует разговоров.

И я снова изо всей силы сжала его руку.

Глава пятая

Я забыла, как это больно, когда тебя роняют.

– Ты в порядке? – донесся... откуда-то голос тренера Ли.

Я лежала с закрытыми глазами и благодарила Бога, что кто-то в какой-то момент истории решил, что людям необходимы мягкие маты. Потому что, не будь мягких матов – пусть даже всего в два с половиной сантиметра толщиной, – я, наверное, сломала бы в три раза больше костей, чем за всю свою жизнь.

И все-таки.

Черт.

Я попыталась вздохнуть, но, судя по острой боли, мои легкие неслабо сдавило после того, как рука Ивана соскользнула – или что там, черт возьми, случилось, – и я упала с высоты примерно двух с половиной метров, приземлившись прямо на долбаную спину.

Черт.

– Я в порядке, – прошептала я тихим, сдавленным голосом, пытаясь сделать еще один вдох, но смогла сделать лишь малюсенький, который не принес мне облегчения.

Хватая ртом воздух, я попробовала снова вдохнуть, и мне удалось сделать только полвдоха до того, как мой позвоночник сообщил: «Еще нет, дура». Подтащив по мату свои голые пятки, я поставила стопы на пол и снова попыталась сде-

лать вдох, на этот раз чуть успешнее. Одно радовало – ребра целы. Еще радовало то, что, по крайней мере, Иван уронил меня сюда, а не на лед, что было бы равносильно удару о цементный пол.

Я снова сглотнула, сделала еще один вдох и, когда дело пошло лучше, сказала себе: ничего страшного. По крайней мере, обошлось.

Открыв глаза, я тут же заметила сильную руку, которая держала меня высоко над полом – сильную руку, которая дрогнула и уронила меня, – протянутую в мою сторону.

Секунду я раздумывала о том, принять ли эту помощь, но потом вспомнила о другом случае, когда он повел себя так же. Покачав головой, я сама перевернулась на задницу.

– Я в порядке, – пробормотала я, лишь морщась от боли.

– Отдохнешь минутку? – спросила тренер Ли со своего места за пределами покрытого матами пола, пока я вставала на колени и медленно поднималась на ноги. Я сделала еще пару вдохов, которые отдались только легкой болью в спине. Наверняка завтра эта травма даст о себе знать.

– Я в порядке. Давайте еще раз. – Я отмахнулась от нее, склонив голову набок, и сделала еще один вдох, чтобы компенсировать тот, которого лишило меня падение. Когда дыхание восстановилось и я была готова продолжить, я повернулась, чтобы посмотреть в лицо своему свежееиспеченному партнеру, с которым провела всего четыре часа.

Четыре часа.

Этим утром мы отрабатывали основные элементы, ну то есть основы основ. Предыдущую ночь я плохо спала, в основном из-за ожидания того, что будет утром – на нашей первой тренировке, – но, проснувшись, я была готова.

Когда мы встретились в четыре утра у катка, я уже прицепила на предплечье левой руки черную букву Л, а на предплечье правой – красную П. Я размялась в одиночку, и Иван тоже. Сначала тренер Ли заставила нас кататься кругами бок о бок... на протяжении нескольких часов. Все для того, чтобы подобрать общий ритм. Ноги Ивана были длиннее моих, но мы оба слушали замечания тренера и держали рты на замке, и у нас все получилось. Мне кажется, мы даже не смотрели друг на друга, так как были очень заняты, сосредоточившись на ногах... Я всего пару раз взглянула на свои руки.

И когда тренер Ли сказала нам взяться за руки и снова повторить то же самое, мы послушались. Мы делали это раз за разом, то держась, то не держась за руки, пока не начало получаться. Первые шаги, но они были важны. Все это мы уже поняли бы, если бы провели просмотр.

Когда во второй половине дня мы пришли на каток, – я уже сходила на работу и объяснила своему боссу, что отныне буду работать меньше, – тренер Ли сказала нам отрабатывать поддержки на матах. Я была счастлива продвинуться хотя бы чуточку вперед.

По крайней мере, до тех пор, пока хватка Ивана не ослабла. Он поднимал меня – его ладони находились меж-

ду моим животом и пахом, руки были зафиксированы прямо над его головой, на высоте примерно ста девяноста сантиметров, – и я сводила и разводила ноги, прогнув спину и высоко держа голову. Я тысячу раз делала это со своим бывшим партнером.

Но точно так же, как я забыла о том, что падать очень больно, я забыла о том, что у каждого партнера свой любимый способ выполнения поддержки. Или я только слышала об этом? За короткую и дерьмовую карьеру в парном катании у меня был всего один партнер.

Возможно, я весила больше предыдущей партнерши Ивана.

– Дай мне посмотреть, куда ты кладешь руки, Иван, – окликнула тренер Ли. – И потом, отталкивай как можно медленнее, чтобы я увидела, как двигается Джесмин.

Кивнув, я заставила себя взглянуть на Ивана и заняла позицию прямо перед ним. В своих облегающих, суженных книзу серых спортивных штанах, белоснежно-белой – как будто совершенно новой – футболке и с идеальным пробором, он выглядел, будто собирался принять участие в фотосессии для рекламы спортивной одежды, а не тренироваться.

Пригнув подбородок, он посмотрел на меня сверху вниз своими ясными серо-голубыми глазами и кивнул, словно предлагая: «*давай сделаем это*». Мы очень давно не разговаривали друг с другом. Мы даже не обменивались беззвуч-

ными фразами.

Пока что.

Я тоже пригнула подбородок. *«Давай сделаем это»*. И мы сделали. Он положил свои руки на то место, к которому я позволяла прикасаться не слишком многим парням, и мы стали выполнять поддержку.

В ту же секунду, как он поднял меня над головой, я поняла, что что-то идет не так. Нужно было понять, что именно.

– В чем дело? – спросила тренер Ли, словно читая мои мысли.

– У него странные ладони, – незамедлительно сказала я ей, стараясь не прогибаться слишком сильно, пока, в конце концов, снова не окажусь на полу.

– Все у меня нормально, – заявил Иван из-под меня – судя по голосу, он был обижен, как я и предполагала.

Я закатила глаза. Я обещала не оскорблять его, но это не означало, что я не могу закатить глаза, тем более когда он меня не видит.

– Я не знаю, в чем дело. Думаю, у него слишком большие руки, – начала я, обращаясь к тренеру Ли, и мужчина подо мной, судя по звуку, ухмыльнулся, отчего я опять закатила глаза. – У меня странное ощущение. – Он поднял меня на максимальную высоту, и теперь я находилась в том положении, из которого он уронил меня до этого. Втянув живот и сжав зубы, я напрягла бицепсы, попытавшись частично переместить свой вес на ладони и пальцы. Мне удалось.

– Я знаю, что делаю, – заявил идиот подо мной.

– Я привыкну, – сказала я тренеру Ли, притворившись, будто не слышу Ивана.

– Опусть ее и повтори, – сказала тренер.

Иван так и поступил. Он довольно быстро опустил меня на пол, хотя и не так аккуратно, как мог бы. Засранец. Я окинула его взглядом, но он был слишком увлечен тем, что смотрел на тренера Ли, и ничего не заметил.

Мы повторили поддержку.

Снова, и снова, и снова.

Следующие три часа мы только этим и занимались: заход на поддержку раз за разом, пока не перестали ощущать разницу... и мои руки – и руки Ивана – не задрожали от усталости. У меня болели плечи, и я даже не могла представить, как они болят у него. Но ни один из нас не пожаловался и не попросил о передышке.

Когда истекли четыре часа, брюшные мышцы, о существовании которых я забыла, были изнурены, и я на 90 процентов была уверена, что на следующий день у меня на животе появится гигантский синяк.

– Еще раз, и закругляемся, – сказала тренер Ли, сидя по-турецки на мате неподалеку от круга, где мы с Иваном работали. Мы еще даже не дошли до того элемента, когда он должен пройти, держа меня над головой. Мы по-прежнему отработывали все ту же поддержку.

Не поднимая глаз, я отступила назад, а потом, когда руки

Ивана заняли нужное положение, наклонилась вперед. И он поднял меня, пожалуй, чуть проворнее, – хотя я знала, что он устал, – чуть легче и увереннее. Это длилось всего двадцать секунд, после чего я, снова встав на ноги, удержалась, чтобы не состроить гримасу от боли в брюшных мышцах. Сразу после душа намажусь мазью с арникой, чтобы завтра не умереть.

– Вечером приложи к животу лед, Джесмин. Мы не можем позволить, чтобы ты страдала, – окликнула меня тренер Ли почти сразу после того, как я приземлилась на обе ноги. Посмотрев на нее, я кивнула. – Сегодня вы хорошо поработали.

Неужели? Отчасти мне казалось, что дела пошли лучше или, по крайней мере, быстрее, но не то чтобы мне было с чем или с кем сравнивать. Я не хотела давать волю чувствам. Шаг за шагом. Я понимала это. Сначала одну ступеньку, потом другую и еще одну, до тех пор, пока мы не построим целую лестницу.

– Отдохни, приложи лед куда потребуется, и увидимся с вами обоими завтра, – крикнула нам тренер. По опыту я уже знала, что у нее есть молодые фигуристы, с которыми она работает, когда у Ивана заканчивается сезон.

Я смотрела, как она разворачивается и уходит. Хорошо.

Мне тоже не хотелось стоять здесь и болтать.

Вскинув брови, я направилась туда, где бросила свою обувь и носки. В огромном зале стояла странная тиши-

на; это был один из тренировочных залов в КЛ, доступный для любого фигуриста. Согнувшись в поясе, я схватила оба носка и натянула их на ноги, заметив отслоившуюся чешуйку ярко-розового лака на ногте большого пальца. Может, вечером перекрашу их, если смогу согнуться, не разрыдавшись. Лак никогда не держался больше двух дней и тем более не станет держаться с новым графиком тренировок, но я предпочитала ходить с покрашенными ногтями. Мне больше нравилось ходить к педикюрше, чем красить ногти самой, но этому больше не бывать.

Во всяком случае, в течение года.

Я как раз выпрямилась, чтобы надеть кроссовки, когда услышала, как кто-то шумно вздохнул у меня за спиной.

Я притворилась, что ничего не слышу.

Но я не могла и дальше прикидываться, когда услышала голос Ивана, нечто среднее между басом и баритоном.

– Нам нужно поработать над твоим доверием, если хочешь, чтобы в конце года я помог тебе найти партнера.

И... начав завязывать шнурки на кроссовках, я посмотрела через плечо и увидела, что Иван стоит там же, где я видела его в последний раз. Он стоял босой посреди мата, правда, на этот раз, уперев руки в бока и сосредоточив свое внимание на мне.

– Что? – спросила я, нахмурившись.

Иван поиграл желваками.

– Нам. Нужно. Поработать. Над. Твоим. Доверием. Если.

Хочешь. Чтобы. В конце. Года. Я. Помог. Тебе. Найти. Партнера, – повторил наглец.

Я моргнула, а потом у меня задергалось веко. Это было произвольно. Ли ушла, да? Мы договаривались следить за своими словами только во время тренировки. Да?

– Мне. Не нужно. Повторять. Дважды, – ответила я точно так же, как он. – Я. Хочу. Понять. Что. Ты. Имеешь. В виду.

– Я. Имею. В виду. Что. Ты. Должна. Доверять. Мне. Или. Из этого. Никогда. Ничего. Не получится.

Сукин сын. *Успокойся, Джесмин. Разговаривай с ним нормально. Будь выше этого.*

Но я не могла.

– Ты угрожаешь мне?

Теперь он в свою очередь моргнул. В свою очередь вскинул брови. В свою очередь пожал плечами.

– Прошел всего один день, а ты уже угрожаешь, что не будешь мне помогать? – спросила я, тщательно подбирая каждое слово.

– Я только говорю, что у нас ничего не выйдет, пока ты не начнешь доверять мне, и даже ты это понимаешь, – сказал он.

У меня подергивался глаз, и, клянусь богом, у меня так и чесались руки, чтобы вцепиться кое-кому в волосы.

– Ты уронил меня.

– Первый раз, и не последний. Ты и сама знаешь.

Я захлопала глазами. Я знала. И не ожидала ничего дру-

того.

Но...

Это он позволил мне упасть.

Иван моргнул:

– Я сделал это не специально. – Да, я не слишком верила ему, и он, должно быть, ожидал этого, потому что покачал головой, – тонкие ноздри на его идеально прямом носу затрепетали, – и повторил: – Не специально.

Я промолчала.

– Я не собираюсь рисковать и причинять тебе боль, – попытался произнести он, и его лицо напряглось. – Пока ты остаешься моей партнершей.

– Очень утешающе.

У него дернулась щека.

– Я достаточно доверяю тебе, – *солгала, солгала, солгала* я, слегка прикасаясь к шее. – Просто я не привыкла к тому, как ты выполняешь поддержку, вот и все. И было сложно поверить тому, кого я много лет называла уродом, но...

Проведя кончиком языка по внутренней поверхности щеки, Иван прищурил свои леденистые голубые глаза, глядя на меня. Черт возьми, неужели он всегда должен оставаться безупречным?

– Ты – неисправимая лгунья, знаешь? – спросил он.

– Сам такой, – ответила я, не сумев удержаться.

Он покачал головой, и я не заметила, чтобы шевельнулся хотя бы один из его черных как смоль волосков.

– Ты сказала, что приложишь все силы, чтобы мы смогли победить, да?

Я медленно кивнула.

Иван вскинул брови:

– Так вот, я говорю тебе, в чем ошибка, и ты должна ее исправить.

О боже.

– Прошел всего один день. И я сказала, в чем твоя ошибка. Ты странно располагаешь руки.

– Я не странно *располагаю руки*.

– Странно, – повторила я.

Он моргнул.

– Никто никогда не жаловался.

Я моргнула в ответ.

– Смелости не хватало, – сказала я. – Я привыкну. Уверена, ты все делаешь правильно...

– Да. Не хочешь на всякий случай зайти посмотреть на трофеи? – спросил кретин.

Выдохнув, я встряхнула запястье... потому что оно слегка побаливало, но не оттого, что мне захотелось ударить его. Нет.

– А ты каждый день ими любишься? Полируешь по воскресеньям? Целуешь их?

Иван открыл, а потом закрыл рот.

Я улыбнулась:

– Я привыкну.

Он моргнул:

– Проблема не в том, что ты привыкнешь. Ты не доверяешь мне. Я чувствую это.

– Я верю, что ты не станешь специально ронять меня, – медленно проговорила я, недовольная тем, куда завел наш разговор. – Мне кажется, тебе нужно понять это как можно скорее. Ведь ты не хотел бы тратить время попусту.

– Неужели, Шерлок, – лениво произнес Иван, отчего я мгновенно выпрямилась.

– Слушай, Сатана, почему ты ждешь, что я стану доверять тебе после шестичасовой тренировки? – выпалила я, не успев остановиться.

На его лице появилась странная, довольная улыбка, которую я видела, только когда мы препирались.

– Так и знал.

– Неужели, Шерлок. Я знаю, что ты не будешь ронять меня специально, но чего еще ты хочешь? Мы не нравимся друг другу. Я постоянно жду, что ты меня подведешь, как бы я ни убеждала себя.

Его бровь поползла вверх, и я поняла, что он не стал спорить с тем фактом, что мы не нравимся друг другу. Придурок.

– Нам нужно доверять друг другу. Ли думает, что за год мы сработаемся, и я знаю, что смогу...

Я закатила глаза. Ну конечно, он думает, что за это время сможет сделать что угодно и справиться с чем угодно.

Ладно, может, я думала то же самое и о себе, но это совсем другое дело. Я не вела себя как самодовольная дура без всякой причины, причем только по отношению к одному человеку.

– ...но нам нужно покончить с этим, и быстро. Причина твоего недоверия – идиот, с которым ты каталась до меня, так что я могу сделать? Что мне сделать, чтобы мы добились цели?

На этот раз пришел мой черед хлопать глазами, потому что кто, черт побери, был этот человек? *Что мне сделать?* Что за фигня? И почему он ругает Пола?

Должно быть, по моему лицу было понятно, что он застал меня врасплох, потому что он вздохнул:

– У меня нет времени.

О господи.

– У меня тоже. – Я не сказала «урод», но подумала так. – Слушай, я не знаю. Умом я понимаю, что ты не уронишь меня специально, но в душе не верю тебе. Неделью назад я бы не поверила, что ты поймаешь меня, если мы сделаем падение на доверие. Я не знаю, как решить эту проблему.

Иван прищурился:

– Ты не первая моя новая партнерша, и это всего лишь на год, поэтому давай что-нибудь придумаем. Хочешь, я дам слово?

– Заметь, ты не сказал, что поймал бы меня.

– Я бы не поймал.

Я, черт побери, *знала* это.

– То было раньше, теперь все иначе, Фрикаделька. Ты хочешь, чтобы я дал слово, что не стану намеренно причинять тебе боль?

Я чуть было не рассмеялась.

– Слово? Ты помнишь все те слова, которые говорил мне на протяжении многих лет?

Он сжал челюсти, отчего его идеально вылепленное лицо стало напряженным.

– Так я и думала.

– Что ты хочешь от меня? Ли спросит, что я сделал, чтобы уладить дело, а я хочу доказать, что сделал все необходимое. Скажи мне.

Сказать ему?

Я скользнула глазами в сторону, прежде чем перевела на него взгляд.

– Расскажи что-нибудь позорное о себе.

Он даже не колебался.

– Нет.

Я бы улыбнулась, если бы это был кто-то другой, а не Иван.

– Ага. И у кого теперь проблемы с доверием, придурок? – Я тряхнула головой. – Не беспокойся об этом. Я справлюсь. Все будет отлично. Мне это нужно больше, чем тебе. Я разберусь, и все будет превосходно.

Все должно быть превосходно.

– Ладно.

Я закончила завязывать шнурки и встала на ноги. Боже, сегодня вечером мне правда понадобится лед. Может, даже целая ванна со льдом. *Черт*. Не в первый раз.

Отведя плечи назад, я поняла, что они напряжены больше, чем я предполагала... Я посмотрела на Ивана, который в какой-то момент переместился и теперь обувал что-то, похожее на домашние тапочки.

Что-то типа того. Мне хотелось домой.

Сделав шаг к двери, я остановилась в нерешительности. Мы теперь партнеры. На целый год. Я могла бы быть выше этого. Поэтому, посмотрев через плечо, я бросила:

– До завтра.

Я даже не обратилась к нему по имени в конце. Много чести.

Я подождала, наверное, всего пару секунд, пока не поняла, что он не собирается отвечать – придурок, – и направилась к двери, убеждая себя, что это не так уж страшно. Какого черта я еще ждала от него? Что он будет по-настоящему дружелюбен? Я знала, что такое дружелюбие и что такое недружелюбие.

Он уже все сказал. Один год. Это все, на что мы могли рассчитывать вместе.

И ему ужасно хотелось поговорить со мной о том, что было не так, чтобы мы смогли исправить это.

По крайней мере, я могла доверять ему, зная, что он при-

мет самое выгодное решение, когда дело коснется успеха.

Доверяла ли я ему? Боже упаси. Во всяком случае, недостаточно. Но в то, что это было для него важно, я верила.

Оттянув ослабший от тренировки пояс на легинсах, я ссутулилась и втянула живот, чтобы посмотреть, так ли он на самом деле пострадал, как мне казалось – а он пострадал, – и решила, что загляну в круглосуточный магазинчик купить пару мешков льда. Ледяные ванны – почти пытка, я мало что ненавидела больше, чем их, но... Еще больше мне не хотелось испытывать боль. Мне просто нужно было вспомнить, что я – взрослая женщина, и потерпеть.

Но пока при одной мысли об этом у меня заныли кости.

По спине побежали мурашки, отчего я почувствовала себя паршиво и быстрее зашагала по холлу. Чем скорее я окажусь дома, тем лучше. Может, получится выкроить время, чтобы посмотреть фильм с мамой и Беном.

На самом деле этим утром, пока мы катались, никто не таращил на нас глаза, но я решила, что это только потому, что по утрам все слишком сосредоточены на себе и ни на кого не обращают внимания. Болтать будут другие, те, кто тренировался во второй половине дня.

И если бы я уже не рассказала маме об этой ситуации, она определенно так или иначе обо всем узнала бы.

Я не собиралась заранее сообщать об этом своим братьям и сестрам, главным образом потому, что получала удовольствие, когда все они выходили из себя и впадали в истерику.

Мне было смешно. И я была счастлива оттого, что они беспокоятся обо мне.

Продолжая на ходу вращать плечами, я свернула в другой коридор и остановилась. Потому что в конце коридора у дверей увидела слишком хорошо знакомую мне фигуру и еще одну, знакомую уже не столь хорошо. Это была Галина и девушка, которая пришла мне на замену. Судя по ее жестам, Галина была рассержена. За долгие годы я так часто выводила ее из себя, что отлично знала, в чем это выражается.

А так как девушка терла щеки, я поняла, что она плачет.

Меня Галина никогда не доводила до слез, но я видела, как она доводила других, не таких понятливых, как я.

Идя по коридору и жалея, что не взяла с собой сумку, – тогда я смогла бы найти наушники и притвориться, что не слышу их, – я заметила, как Галина приглушенным голосом говорит девочке что-то со своим русским акцентом. До меня долетали лишь обрывки. Что-то насчет ожиданий, целей и желания победить.

Я дошла где-то до середины коридора, когда обе они обернулись и посмотрели на меня.

– *Ежик*. – Энергичным кивком поприветствовала меня мой бывший тренер.

– Галина, – произнесла я в ответ, окидывая взглядом другую девушку и кивая ей, как и все старшие. – Латаша.

– Привет, – поздоровалась со мной она и, затаив дыхание, опустила голову. Наверное, чтобы я не видела, как она рас-

строена тем, что ее ругают.

Она не могла знать, что меня это мало волнует, и я не собиралась говорить ей об этом.

– Поздравляю с новым партнером, – сказала Галина. – Я рада за тебя. Это был только вопрос времени, я всегда это знала.

И от этого я чуть не споткнулась.

Она рада и всегда знала? Что именно?

– В паре твой тройной лутц будет выглядеть изумительно, – продолжала Галина, а я только смотрела на нее, будто совсем ее не знаю.

Откуда, черт возьми, взялись все эти комплименты и за чем?

– Сколько раз ты его отрабатывала? – задала Галина бессмысленный вопрос, потому что отлично знала, сколько я работала над ним. Она же была там. Я рассказывала ей, сколько раз мама помогала мне и снимала мои прыжки, чтобы я могла увидеть, как они выглядят со стороны.

Но не стоило интересоваться, почему она спрашивает. Мы слишком долго были вместе, и я знала, как работают ее мозги и какую цель она преследует. Она делала это, чтобы что-то доказать этой девушке.

– Тысяч пять? – сказала я, пожав плечами, потому что могла только предполагать. Я была не сильна в математике и давно потеряла счет своим прыжкам.

– Ты плакала, когда делала это?

Черт, ведь заводя этот разговор, она знала, что я никогда не плачу и что не хочу еще больше расстраивать эту девушку. Вдобавок мне не хотелось врать. Поэтому я покачала головой, так как озвучить свои мысли показалось мне слишком жестоким. Я сменила тему, прежде чем Галина успела спросить меня о том, что только еще больше огорчило бы девушку.

– Лина, могу ли спросить вас кое о чем с глазу на глаз?

Немолодая женщина, словно раздумывая, склонила голову набок и снова решительно кивнула.

Когда я прошла чуть дальше по коридору, она пошла следом и остановилась одновременно со мной. Я вздрогнула от неожиданности.

– Что спрашивала у вас обо мне Нэнси Ли?

Выражение ее лица не изменилось, словно мой вопрос ее не удивил. Она и не должна была удивляться. Она знала, что я никогда не стесняюсь задавать вопросы.

– Думаю ли я, что ты готова. Вот что она спросила.

Я моргнула.

– Прислушиваешься ли ты. Усердно ли ты работаешь. Смогла ли бы я снова тренировать тебя, – продолжала она, повернувшись ко мне своим жестким, как сталь, лицом. – Я сказала «да». Я сказала, что ты создана кататься с партнером. У тебя сильные плечи. Руки. Это я не поспевала за тобой. Я сказала ей, что ты катаешься лучше, чем я когда-либо ожидала...

Я хлопала глазами.

– ...только ты слишком много думаешь, *ежик*. Ты знаешь об этом. Ты слишком волнуешься. Это ты тоже знаешь. Никто не заслуживает удачи так, как Джесмин, сказала я. – Сверля меня взглядом, она закончила: – Еще я сказала ей, что вы с Иваном убьете друг друга, если будете слишком много болтать.

Она...

– Не стоит благодарности. Ведь ты не заставишь меня пожалеть об этом, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.